

INSPIRIA

ТРИ СУДЬБЫ ПОД СОЛНЦЕМ

СЮЮЗЕН
МЭЛЛЕРИ

INSPIRIA

Ежевичный остров

Сюзен Мэллери

Три судьбы под солнцем

«ЭКСМО»

2013

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Мэллери С.

Три судьбы под солнцем / С. Мэллери — «Эксмо»,
2013 — (Ежевичный остров)

ISBN 978-5-04-175657-4

В морском воздухе Ежевичного острова витают старые тайны, любовные потрясения и шанс начать все сначала. «Три судьбы под солнцем» – вторая часть цикла «Ежевичный остров» от автора бестселлеров New York Times. Это трогательная история о трех женщинах, чья неожиданная дружба меняет их жизни навсегда. Добро пожаловать на Ежевичный остров. Неважно, как вы здесь оказались; приплыли на пароме или проехали тысячу километров на машине, – это идеальное место, чтобы расслабиться и никуда не спешить. Здесь местные жители и гости острова собирают сладкую ежевику, проводят время за хорошей книгой и наслаждаются видами на шумный океан, в котором каждый день тонет солнце. Если вас бросили у алтаря – знайте, это испытание не для неженки. Но Энди Гордон берет себя в руки и принимает самое важное решение в жизни – покупает дом на Ежевичном острове. Кажется, новая жизнь складывается отлично, но капитальный ремонт нужен не только дому, но и самой Энди. Обвинив супруга в неверности, Дина Филлипс открывает ящик Пандоры. По словам мужа, она и есть источник всех бед. Самое страшное, что он прав. Стремясь стать идеальной, Дина потеряла себя. Художница Бостон Кинг надеялась, что ее брак со школьной любовью будет длиться вечно. Их связь казалась неразрывной, однако жизнь вносит свои коррективы. Три женщины, три судьбы, одно палящее солнце, способное осветить путь тому, кто потерялся во тьме. «Эта книга должна быть в шорт-листе каждой читательницы». – Fresh Fiction «Трогательная история о глубоких чувствах и целительной силе женской дружбы». – Library Journal

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-175657-4

© Мэллери С., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Глава 1	8
Глава 2	14
Глава 3	21
Глава 4	27
Глава 5	33
Глава 6	39
Глава 7	46
Глава 8	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Сьюзен Мэллери

Три судьбы под солнцем

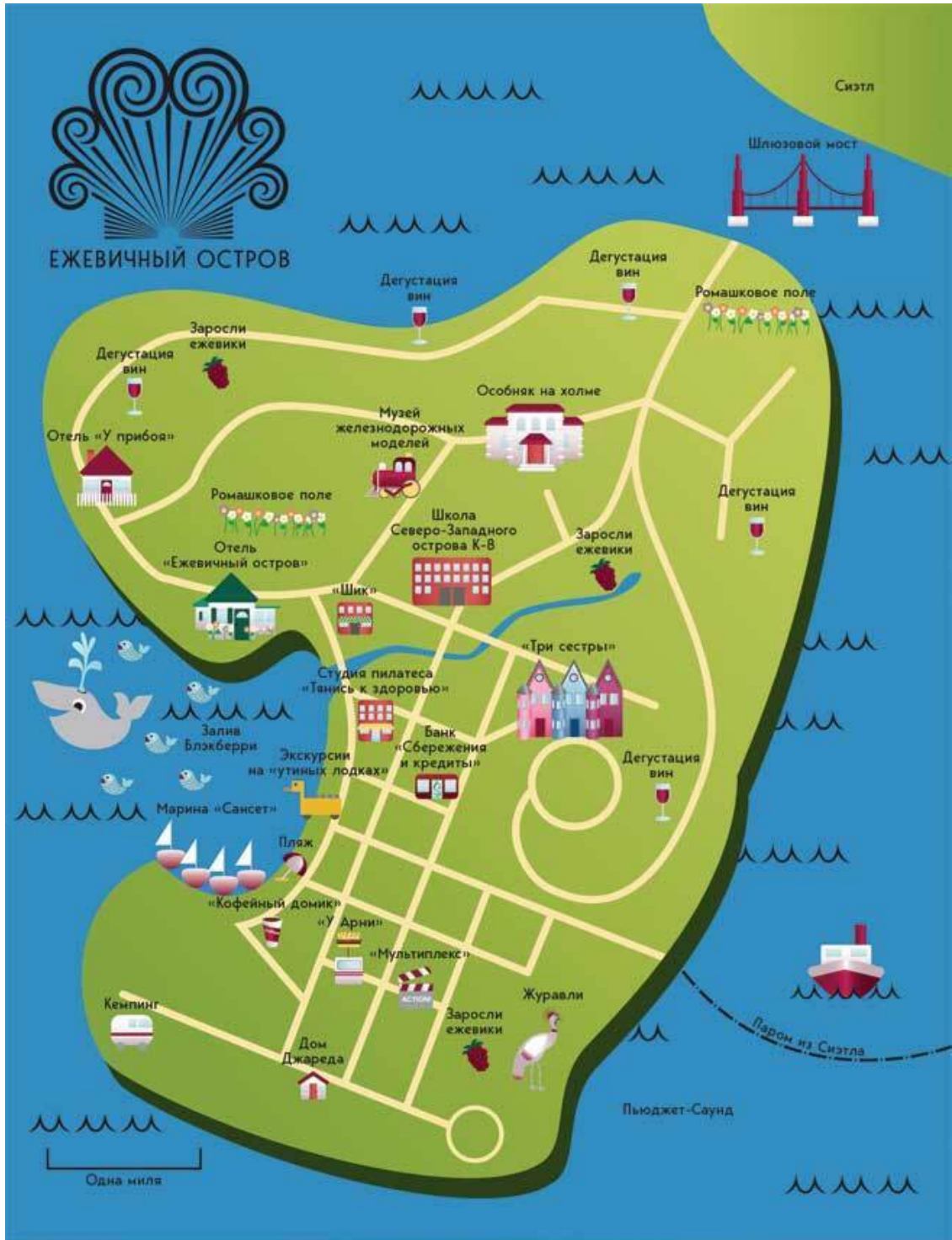
Susan Mallery
Three Sisters

© 2013 by Susan Mallery, Inc.

© Рябцун М., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Глава 1

Если тебя бросили у алтаря – знай, это испытание не для неженок.

Помимо унижения и боли, существуют весьма приземленные проблемы, требующие решения. Очевидно, если парень способен бросить тебя на глазах у трех сотен самых близких друзей и родственников, не говоря уже об обеих матерях, он не станет беспокоиться о таких мелочах, как возврат подарков и оплата услуг официантов. Это объясняло, почему спустя три месяца после такого опыта Энди Гордон вложила свои сбережения в дом, который видела всего два раза, в городе, где провела всего семьдесят два часа.

Играй по-крупному – или оставайся дома. Энди решила сделать и то и другое.

Подписав последние документы и взяв ключи, она поднялась на холм, на самую высокую точку Ежевичного острова, и устала на дом, который только что купила. Постройку называли одной из «Трех сестер». Это были три красивых дома в стиле королевы Анны, построенные в начале прошлого века. По словам риелтора, дом слева был прекрасно отреставрирован. Цвет сливочного мороженого отражал стиль и моду времен его постройки. Даже сад выглядел более традиционно английским, чем это было принято на северо-западе Тихоокеанского побережья. Женский велосипед, прислоненный к крыльцу, казался неуместно современным.

Дом справа также был отреставрирован, но сохранил меньше деталей своей эпохи. Сланцево-серая облицовка обрамляла витражные окна, а во дворе была установлена скульптура взлетающей птицы.

У дома посередине все еще красовалась табличка «Продается», воткнутая в неухоженный газон. Хоть и похожий на два других стилем и размерами, купленный ею дом имел мало общего со своими соседями. От крыши с отсутствующей черепицей до облупившейся краски и выбитых окон – весь он свидетельствовал о небрежности и безразличии. Не будь это здание историческим, его бы снесли много лет назад.

Энди прочитала объявление продавца, в котором описывались все недостатки дома. Там было много страниц с перечислением основных проблем, начиная с необходимости переделать электропроводку, проведенную двадцать лет назад, и заканчивая отвратительной неработающей сантехникой. Строительный инспектор, которого наняла Энди для осмотра места, сдался на полпути и вернул ей деньги. Затем ее агент попытался показать ей прекрасную квартиру с видом на марину.

Энди отказалась. Увидев старый дом, она в ту же секунду поняла: это то, что она искала. Когда-то этот дом был полон надежд. Время и обстоятельства довели его до нынешнего состояния – он был нелюбим и покинут. Ей не нужен был диплом психолога, чтобы понять: она видит в этом доме саму себя. Энди осознавала, какие подводные камни скрывает вера в то, что если она починит дом, то исцелит и себя. Но знать и делать, а в данном случае не делать – не одно и то же. Умом она понимала, что это огромная ошибка, но сердце ее уже влюбилось.

Учитывая недавнюю публично разорванную помолвку, влюбиться в дом казалось намного безопаснее, чем влюбиться в мужчину. В конце концов, если дом бросит ее у алтаря, она может попросту сжечь его дотла.

Она припарковалась перед трехэтажным зданием, выглядящим как катастрофа, и улыбнулась. «Я здесь, – прошептала она, давая обещание себе и дому. – И я тебя восстановлю».

Последние три месяца были сплошным кошмаром рутинного планирования и взаимных обвинений. Покупка одной из «Трех сестер» ставила перед ней новые задачи, которыми следовало озаботиться. Отправлять по электронной почте документы для получения кредита оказалось намного приятнее, чем объяснять троюродной сестре, что да, после более чем десяти лет отношений Мэтт действительно бросил ее у алтаря. Он сказал, что их решение пожениться показалось ему внезапным и ему нужно больше времени. И да, две недели спустя он сбежал

в Лас-Вегас, женившись на своей секретарше. Энди не хотела даже вспоминать о разговорах, которые вела на эту тему с матерью.

Но ее поддерживало осознание того, что она скоро уедет из Сиэтла на Ежевичный остров. Она сосредоточилась на этом побеге, а затем упаковала вещи в своей городской квартире и направилась на север.

Энди сжала ключи, которые вручил ей агент по недвижимости, ощущая, как металл впирается в кожу. Боль вернула ее в реальность, в момент, когда существовали только возможности.

Она вышла из машины и уставилась на полуразрушенный дом. Но вместо заколоченных окон и покосившегося крыльца она видела, каким он будет. Новым. Ярким. Достойным восхищения. Не развалиной. А когда дом будет восстановлен, Энди сможет позвонить матери и рассказать ей об этом. Это будет гораздо лучше, чем выслушивать, как мама перечисляет все, что Энди испортила в своей жизни. Например, не позволила Мэтту переделать ее и по глупости упустила такого замечательного мужчину.

Энди повернулась, чтобы полюбоваться видом. В ясный день воды Пьюджет-Саунда¹ буквально сверкали. Конечно, ясные дни были относительно редкими в этой части страны, но Энди это устраивало. Ей нравился дождь. Серое морозящее небо, хлюпанье ботинок по тротуару. Вся эта мрачность заставляла ее ценить солнечные дни.

Она повернулась на запад, глядя на пролив. Из окон домов открывался прекрасный вид. Их построили капитаны дальнего плавания, чтобы наблюдать за проплывающими кораблями. В конце 1800-х годов мореплавание все еще имело большое значение для этого района, пока не уступило лесозаготовкам.

«Все правильно», – радостно подумала она. Ее место здесь. Или будет здесь – со временем. Если ремонт начнет ее доставать, она просто посмотрит в окно. Танец волн и открывающийся вид на полуостров сильно отличаются от высоток в центре Сиэтла. До города всего пара часов езды на машине, но он кажется другой планетой по сравнению с маленьким городком на Ежевичном острове.

– Привет! Это вы купили этот дом?

Энди обернулась и увидела идущую к ней женщину. Она была среднего роста, с длинными темно-рыжими волосами, спадавшими до середины спины. На ней были джинсы и сабо, а также вязаный свитер цвета слоновой кости, достоящий до бедер. Когда женщина подошла ближе, Энди подумала, что ее лицо можно назвать скорее привлекательным, чем красивым. Высокие скулы и огромные зеленые глаза. Бледная кожа, вероятно, была результатом как генетики, так и полного отказа от пребывания на солнце с прошлого сентября.

– Привет. Да, это я.

Женщина улыбнулась.

– Наконец-то! Это несчастное место... Мне было здесь так одиноко. О, я Бостон. Бостон Кинг. – Она указала на дом со скульптурой птицы на лужайке. – Я живу там.

– Энди Гордон.

Они пожали друг другу руки. Слабый луч солнца пробился сквозь облака и высветил в волосах Бостон пурпурную прядь.

Энди провела пальцами по своим темным волосам и подумала, не сделать ли что-нибудь столь же выразительное. Максимум, на что она отваживалась, это подстричься.

– Вы имеете какое-то отношение к Зику Кингу? – спросила Энди. – Он подрядчик, с которым я списалась по электронной почте по поводу дома.

Лицо Бостон озарилось улыбкой.

¹ Пьюджет-Саунд (сокращенно – Саунд) – залив Тихого океана у западных берегов США. (Здесь и далее прим. ред.)

– Это мой муж. Он и его брат – владельцы местной компании здесь, на острове. Он упоминал, что списался с новым хозяином дома. – Она склонила голову набок. – Но он ничего о вас не рассказывал, а я умираю от желания узнать подробности. Уделите мне несколько минут? Я только что заварила кофе.

Энди подумала о чистящих средствах на заднем сиденье внедорожника. Утром придет фургон с вещами, и у нее много дел – надо подготовить помещение. Но в маленьком тупичке всего три дома, и знакомство с одной из соседок казалось не менее важным.

– Я бы с удовольствием выпила чашечку кофе, – сказала она.

Бостон повела ее по разросшейся траве к своему двору и поднялась по ступенькам к входной двери. Энди обратила внимание, что пол на крыльце выкрашен в темно-синий цвет и разрисован звездами и планетами. Входная дверь из темного дерева покрыта витражными панелями.

Прихожая отличалась таким же эклектичным сочетанием традиционного декора и эксцентричности. У вешалки для одежды стояла скамейка в шейкер-стиле². На стене висело зеркало в обрамлении серебряных белок и птиц. Слева в гостиной стояли удобные диваны и кресла, а над камином красовалась огромная картина, изображающая обнаженную фею. Бостон провела гостью по окрашенному в кроваво-красный цвет узкому коридору в светлую гостеприимную кухню. Там были выкрашенные в кобальтово-синий шкафы, изящные приборы из нержавеющей стали и столешница из серо-голубого мрамора. Запах кофе смешивался с ароматами корицы и яблок.

– Присаживайся, – пригласила Бостон, указывая на табуреты, придвинутые к барной стойке. – Я только что разогрела пару булочек. У меня есть яблочное масло с корицей, готовила его сама прошлой осенью.

Энди подумала о протеиновом батончике и чашке кофе, которые были ее завтраком, и услышала, как заурчал желудок.

– Звучит здорово. Спасибо.

Она заняла предложенное место. Бостон открыла духовку и достала противень с двумя большими булочками. В стеклянной банке на стойке стояло яблочное масло. Бостон выложила выпечку на тарелки и передала одну Энди, затем занялась кофе.

– Мне просто черный, – попросила Энди.

– Ах, настоящий любитель кофе. А я сдабриваю кофеин орехами и ванилью.

Она достала из холодильника ароматизированные сливки.

Энди осмотрелась. Большое окно над раковиной и еще одно – в углу обеденной зоны. Большую часть одной из стен занимал обширный буфет. Возле задней двери виднелись старинная лепнина и декоративная панель, но остальная часть кухни была обновлена.

– Мне здесь нравится, – заметила Энди. – Я не уверена, что моя кухня за последние шестьдесят лет видела хотя бы покраску.

Бостон взяла два ножа и протянула один гостье, затем разрежала свою булочку и намазала яблочным маслом. Несколько серебряных браслетов с подвесками на руке женщины звякнули друг о друга.

– Мы видели твой дом на дне открытых дверей. Похоже, твоя кухня – из пятидесятых.

– Я не возражаю против ретростиля, – призналась Энди. – Но там ничего не работает! Знаешь, я люблю, когда открываешь кран – и течет горячая вода. И я бы хотела иметь холодильник, в котором еда остается холодной.

Бостон ухмыльнулась.

² Шейкер-стиль – особый стиль мебели, разработанный религиозной общиной Шейкеров, которая возникла в середине XVIII века в Англии. Ее члены руководствовались принципами простоты, полезности и честности. Их убеждения нашли отражение в хорошо сделанной мебели минималистичного дизайна.

– Стало быть, ты требовательна.

– Очевидно, да.

– Я знаю, что Зик умеет разрабатывать планы. Я не видела их все, но они с братом отлично работают.

Энди окинула взглядом кухню.

– Это он делал ремонт в твоём доме?

– Около шести лет назад. – Бостон взяла свой кофе. – Ты откуда переехала?

Остров был достаточно мал, и Энди не удивило предположение Бостон, что она нездешняя.

– Из Сиэтла.

– Из большого города, да? Вот это перемена!

– Я готова к переменам.

– У тебя есть семья?

Энди поняла, что Бостон не имела в виду родителей, братьев и сестер.

– Нет.

На лице Бостон отразилось удивление.

– Это большой дом.

– Я врач. Педиатр. Хочу использовать первый этаж для практики и жить наверху.

Ей показалось, что плечи Бостон напряглись.

– О, это умно. Не будет хлопот с поездками на работу. – Женщина посмотрела в окно над раковиной в сторону дома Энди. – Там достаточно места для парковки, и, насколько я понимаю, перестройка будет несложной.

– Самым большим изменением будет перемещение кухни наверх. Мне все равно пришлось бы ее полностью переделывать, так что это незначительно увеличит счет. – Она потянулась за своей булочкой. – Ты давно живешь на острове?

– Я здесь выросла, – отозвалась Бостон. – В этом самом доме. Я больше никогда нигде не жила. Когда мы с Зиком начали встречаться, я предупредила его, что у меня около трех тысяч квадратных футов приданого. – Ее улыбка немного померкла. – Он сказал, что ему это нравится.

Энди пожевала булочку со вкусом ванили, наслаждаясь терпкостью яблока и корицы, затем проглотила.

– У тебя есть работа?

Бостон покачала головой.

– Я художник. В основном расписываю текстиль, хотя в последнее время... – Ее голос затих, глаза потемнели. – Иногда я пишу портреты. Большинство странных вещей, которые ты здесь видишь, – моих рук дело.

– Мне нравится крыльцо.

– В самом деле? Дина его ненавидит. – Бостон сморщила нос. – Она, конечно, никогда ничего не скажет, но я слышу, как она вздыхает каждый раз, когда ступает на него.

– Дина?

– Твоя вторая соседка.

– У нее красивый дом.

– Да, не правда ли? Тебе стоит взглянуть на него изнутри. Я уверена, она пригласит тебя в гости. Парадные комнаты меблированы в соответствии с эпохой. Исторические общества от нее в восторге. – Бостон снова выглянула в окно. – У нее пять дочерей. О, твои клиенты. – Она нахмурилась. – Или не клиенты?

– Пациенты.

Бостон кивнула.

– Верно. Очень милые девочки. – Она пожала плечами. – И это весь наш район. Только мы трое. Я так счастлива, что кто-то будет жить в среднем доме. Он пустовал столько лет. Дом без жильцов – это очень печально.

Хотя в тоне Бостон ничего не изменилось, Энди почувствовала перемену в настроении женщины. Даже определив для себя, что ее новая знакомая, как сказала бы мать, «со странностями», она не могла избавиться от ощущения, что теперь соседка хочет, чтобы она ушла.

Энди быстро доела остатки булочки и улыбнулась.

– Ты так добра. Я очень благодарна за кофеиновый заряд бодрости и перекус, но мне нужно переделать столько дел...

– Переезд. Я слышала, что это тяжело. Не могу представить себе жизнь где-нибудь, кроме как здесь. Надеюсь, ты будешь счастлива на нашей маленькой улочке.

– Уверена, что буду. – Энди поднялась. – Приятно было познакомиться.

– Мне тоже, – отозвалась Бостон, провожая ее до входной двери. – Пожалуйста, заходи, если что-нибудь понадобится. В том числе душ. У нас есть гостевая ванна, знаешь, на случай, если у тебя отключат воду.

– Это очень мило с твоей стороны, но если отключат воду, я перееду в отель.

– Мне нравится твой стиль.

Энди помахала рукой и вышла на крыльцо. Входная дверь закрылась, и она на секунду замерла, глядя на свой дом глазами соседки. Отсюда виднелось несколько треснувших окон, часть облицовки свисала, расшатанная и облупившаяся. Двор зарос.

«Поговорим об уродстве», – пробормотала она, возвращаясь к машине.

Не волнуйся, сказала она себе. Она уже ознакомилась с планами реконструкции, а в субботу первым делом встретится с Зиком, чтобы подписать контракт. Тогда начнется ремонт.

А пока ей нужно подготовиться к приезду грузчиков, которые прибудут утром. Энди решила хранить большую часть мебели наверху. Пока идет ремонт, она будет жить в двух маленьких спальнях в мансарде. Они уродливы, но вполне пригодны. Та, что побольше, послужит гостиной и чем-то вроде кухни. Она не собирается ничего готовить, будет только разогревать еду в тостере или микроволновке.

В крошечной ванной комнате в мансарде был душ, явно предназначенный для тех, кто ниже пяти футов ростом, и светильники сороковых годов, но все работало. Зик обещал первым делом установить водонагреватель.

У нее было все необходимое, чтобы пережить три месяца ремонта. Энди сказала Зику, что хочет, чтобы дом был полностью готов к началу июля, но на самом деле она планировала начать практику первого сентября. Это давало ей хороший запас времени. Она видела достаточно шоу-программ на канале «Дом и сад»³, чтобы знать: в ходе ремонта часто возникают проблемы и всевозможные заминки.

Энди забрала вещи с заднего сиденья внедорожника. Ей нужно было убрать комнату, которую она будет использовать для хранения мебели, а затем заняться выбранной ванной. После этого она собиралась вознаградить себя бутербродом с тушеной свиной из закуской «У Арни». Ее агент по недвижимости обещал, что еда будет великолепной.

Энди осторожно поднялась по парадной лестнице. Две из восьми ступенек отсутствовали. Она вставила ключ в замок входной двери и повернула его. Вошла в прихожую. В отличие от дома Бостон, здесь не было ни эклектичного набора очаровательной мебели, ни занавесок на окнах, вообще ничего такого, что хотя бы отдаленно выглядело пригодным для жизни. Запах разложения и грязи смешивался с вонью бывших обитателей – грызунов. Обои свисали со стен, покрытых засохшими подтеками, несколько окон гостиной были забиты фанерой.

³ «Дом и сад» (Home and Garden Television, HGTV) – американский телеканал, принадлежащий Discovery. В основном транслирует реалити-шоу, связанные с покупкой недвижимости, ремонтом, дизайном интерьера.

Энди поставила на пол ведро с чистящими средствами и сумку, набитую тряпками и бумажными полотенцами, вытянула руки и закружилась на месте. Катастрофический вид ее нового дома заставил женщину засмеяться.

«Ты будешь так счастлив, – прошептала она. – Я сделаю так, что ты засияешь. – Она усмехнулась. – Ну, я и строительная бригада. Вот увидишь! Когда все будет готово, нам станет лучше – и тебе, и мне».

К тому времени, когда ремонт завершится, Энди пустит корни здесь, на острове. Ее бывший жених станет не более чем поучительной историей, а у нее начнется процветающая врачебная практика. Она больше не будет неудачницей в семейной жизни или женщиной, которая настолько глупа, чтобы отдать десять лет своей жизни мужчине, который попытается ее переделать, а потом бросит и через две недели женится на другой. Ей не придется беспокоиться о том, что она якобы недостаточно хороша.

«Мы не будем такими совершенными, как дом слева, или такими артистичными, как тот, что с другой стороны, но мы с тобой будем в самый раз. Вот увидишь».

Слова звучали как обещание. А свои обещания Энди всегда выполняла.

Глава 2

Дина Филлипс уставилась на фотографию. Девушка была хорошенькая: лет двадцати пяти – двадцати шести, с темными волосами. Ракурс не позволял разглядеть цвет ее глаз. Она обнимала мужчину, прижимаясь губами к его щеке. Он стоял лицом к камере, а девушка смотрела на него.

На снимке был запечатлен счастливый момент. Мужчина улыбался, молодая женщина припала к нему, согнув колено и приподняв одну ногу. Все в этой фотографии было очаровательным. Даже вдохновляющим. За исключением того факта, что этот мужчина был мужем Дины.

Она стояла в спальне, прислушиваясь к шуму воды в душе. Было едва больше шести, но Колин вставал в пять. Сначала отправлялся на пробежку, потом завтракал, после чего принимал душ. В половине седьмого он выйдет из дома, поедет в офис, а затем отправится в дорогу. Колин путешествует по работе, так что она не увидит его до конца недели.

Тысячи мыслей пронеслись у нее в голове. Он ей изменяет. Он настолько глуп, что оставил фотографию в своем телефоне. Он изменяет ей! С кем еще? Со сколькими еще? Он ей изменяет... Ее желудок скрутило и перекатило, как корабль в бурю. Если бы она что-нибудь съела, ее бы вырвало. Она вздрагивала, покрылась гусиной кожей, ноги дрожали.

«Соберись», – прошептала Дина. У нее не так много времени. Меньше чем через полчаса она должна поднять девочек и собрать их в школу. К тому же ее саму ждали с утра в классе близняшек. После этого нужно идти на работу, а там тысяча дел, задач и обязанностей. И все это не прекратится лишь потому, что Колин предал ее худшим из возможных способов.

Ее глаза буквально горели, но она не заплакала. Слезы означали слабость. Все еще сжимая в руке сотовый телефон, она размышляла, что делать. Выяснить отношения? Это было логичное решение. Она должна что-то сказать, только не знала, что именно. Она не была готова, не была...

В душе стало тихо: Колин выключил воду. Дина вздрогнула, затем тихо положила телефон обратно на комод рядом с бумажником мужа и ключами от машины. Она брала его лишь для того, чтобы посмотреть фотографии с последней игры в софтбол⁴. Хотела взять пару снимков, чтобы обновить семейную страничку в Интернете. Вместо этого она обнаружила предательство.

Она поняла: ей нужно время. Время, чтобы разобраться в том, что происходит, что все это значит, каким будет ее следующий шаг. И будет ли вообще этот следующий шаг? Дина накинула халат, поспешила вниз в кабинет и включила компьютер, нажав кнопку. Заметила, что ее пальцы дрожат. Опустилась в большое кожаное кресло и обхватила себя руками. Зубы стучали, ноги замерзли, но она не собиралась возвращаться в спальню за тапочками. Не могла. Ей подумалось, что сейчас она просто распадется на части, разлетится на миллион кусочков, если не будет осторожна.

Загружающийся компьютер гудел и попискивал. Наконец она увидела, как обрели четкость обои на рабочем столе. Картинка изображала идеальную семью: отец, мать, дочери. Все белокурые, привлекательные, счастливые. Они были на пляже, все в свитерах цвета слоновой кости и джинсах, веселое переплетение рук и ног. Близнецы пригнулись, старшие девочки стояли позади них, Колин обнимал ее. Все смеялись. Счастливые.

Что, черт возьми, произошло?

– С тобой все в порядке?

⁴ Софтбол – спортивная командная игра с мячом, облегченная версия бейсбола. Мяч для софтбола больше и мягче бейсбольного, летит медленнее, поэтому по нему проще попасть битой. В софтбол играют как мужчины, так и женщины.

Она подняла глаза и увидела стоящего в дверях мужа. На нем был темно-синий костюм, который она сама для него выбрала. У этого мужчины был отвратительный вкус в одежде. Ей не нравился галстук, но что с того? Разве сегодня это имеет значение? Дина смотрела на него и задавалась вопросом: а как его видят другие женщины? Она признала, что он красив. Высокий, широкоплечий, с голубыми глазами. Он поддерживал себя в форме. Она гордилась тем, что ее муж все еще отлично выглядит в джинсах и футболке. В отличие от многих сверстников, Колина не портит пивной живот. В следующем году ему исполнится сорок. Поэтому – другая женщина? Кризис среднего возраста?

– Дина?

Она поняла, что он смотрит на нее.

– Я в порядке. – Она не была уверена, что сможет ответить, но каким-то образом сумела произнести эти слова.

Он продолжал наблюдать за ней, словно ожидая продолжения. Она облизнула губы, не зная, что сказать. Время, в отчаянии подумала она. Ей действительно нужно время.

Она сунула руки под стол, чтобы он не заметил, как они дрожат.

– С утра немного желудок беспокоит. Должно быть, съела что-то не то.

– Все будет хорошо?

Ей хотелось крикнуть, что, конечно же, хорошо теперь не будет. Как он вообще мог такое спросить? Взял все, что у них было общего, и уничтожил. Уничтожил ее. Исчезло все, о чем она мечтала, к чему стремилась. Ей придется уйти от него, стать одной из отчаявшихся матерей-одиночек. Боже милостивый, у нее же пятеро детей. Пять дочерей! Ей не справиться в одиночку.

– Со мной все нормально, – сказала она, чтобы заставить его уйти. Ей нужно время, чтобы подумать, передохнуть, понять. Ей нужно время, чтобы приглушить боль.

– Я вернусь в четверг, – сказал он. – Буду в Портленде.

Он всегда говорил ей такие вещи. Подробности. Она никогда не слушала. У нее с девочками был свой распорядок дня. Они привыкли к тому, что Колина не было дома всю неделю.

А ведь он может уйти навсегда, поняла она. И что тогда? Она работала неполный рабочий день в лавке ремесел. Вела занятия по лоскутному шитью и скрапбукингу⁵. Ее зарплаты хватало на развлечения и ужин в кафе. Но на свой заработок она не могла прокормить и аквариум с рыбками, не говоря уже о пяти девочках.

Паника охватила ее, сжимая сердце. Возникло чувство, что она сейчас умрет на месте. Дина заставила себя не отрывать взгляд от мужа и отчаянно пыталась понять, какой ответ прозвучит нормально.

– Надеюсь, там тепло, – сказала она.

– Что?

– В Орегоне. Надеюсь, там хорошая погода.

Он нахмурился.

– Дина, ты уверена, что с тобой все в порядке?

Она знала, что попытка улыбнуться обернется катастрофой.

– Это просто желудок. Думаю, мне лучше сбегать в ванную. Езжай спокойно.

Дина встала. К счастью, он отступил и она смогла проскользнуть мимо, не задев его. Она поспешила вверх по лестнице и кинулась в ванную. Вцепилась в мраморный туалетный столик и закрыла глаза, чтобы не видеть в зеркале свое бледное, ошеломленное лицо.

⁵ Скрапбукинг – вид рукодельного искусства, которое позволяет красиво оформить или полностью изготовить семейный, личный или тематический фотоальбом, дневник, открытку, кулинарную книгу. Главная идея скрапбукинга – использование для декора множества различных элементов, в том числе лент, пуговиц, кружева, газетных вырезок, фигурок из картона.

– Мама, ты же знаешь, я ненавижу этот хлеб. Почему ты продолжаешь его печь?

Дина даже не потрудилась поднять глаза. Просто положила в ланчбокс бутерброд, который сделала накануне вечером. За ним последовала морковка, затем яблоко и печенье. Льяное семя, подумала она, глядя на контейнер из перерабатываемого пластика, наполненный маленькими печеньками. Они сделаны с льняным семенем. Не самые любимые у девочек, но полезные для здоровья.

– Мам! – Мэдисон встала, руки в боки. В свои двенадцать она уже умела смотреть презрительным взглядом, который покоробит даже сильных духом.

Дина узнала этот взгляд и поняла его причину, ведь много лет назад испытывала то же самое по отношению к собственной матери. С той лишь разницей, что мать Дины была сущим кошмаром. И сейчас Дина не могла понять, что такого она сделала своей старшей дочери, чтобы та ее так ненавидела.

– Мэдисон, давай не сегодня. Пожалуйста. Просто возьми сэндвич.

Дочь продолжала пристально смотреть на нее, а затем потопала прочь, пробормотав что-то подозрительно похожее на «Какая же ты стерва». Но Дина не была в этом уверена, к тому же этим утром у нее не было сил на подобные скандалы.

К восьми все пять девочек ушли. Кухня, как всегда, представляла собой полную катастрофу: миски в раковине, тарелки и открытые коробки из-под хлопьев на обеденном столе. Люси оставила свой ланчбокс с завтраком у холодильника, а значит, позже Дине придется сделать еще одну остановку. А куртка Мэдисон так и осталась висеть на высокой спинке стула.

Рассеянность Люси не была чем-то новым или особенным, чего нельзя было сказать о Мэдисон. Старшая дочь возненавидела непромокаемую красную куртку через сорок восемь часов после того, как настояла на том, что эта вещь идеальна и она должна ее носить. После той поездки по магазинам в конце сентября они с Мэдисон поспорили из-за одежды: дочь настаивала на покупке новой, а Дина отказалась.

Где-то в октябре Колин сказал, что не стоит так ругаться, надо просто купить Мэдисон новую куртку. Люси нравится красный цвет, и, вероятно, к следующей осени она сможет ее носить. Если бы старшая дочь ходила в куртке весь год, та стала бы слишком потрепанной, чтобы передать ее младшей.

«В очередной раз Колин меня не поддержал», – с горечью подумала Дина. Еще один пример того, как муж встал на сторону девочек против нее.

Дина подошла к раковине и включила воду. Подождала, пока температура станет подходящей, затем трижды нажала на флакон, выдавив жидкое мыло, и начала мыть руки. Снова и снова, снова и снова. Привычное ощущение теплой воды и скользкого мыла успокаивало ее. Она знала, что не может позволить себе делать это слишком долго. Если не будет внимательна, то слишком увлечется. Пришлось закончить раньше, чем ей хотелось. Она открыла ящик у раковины, достала хлопчатобумажное полотенце и вытерла руки.

Не оглядываясь, вышла из кухни. С беспорядком она разберется позже. Но вместо того, чтобы подняться на второй этаж и зайти в главную спальню, Дина села на нижнюю ступеньку и уронила голову на руки. Гнев смешался со страхом и острым привкусом унижения. Она изо всех сил старалась не походить на свою мать, но все же некоторые уроки нельзя было не усвоить. Знакомый вопрос «Что подумают соседи?» застрял в мозгу и отказывался сдвинуться с места.

Будут судачить. Будут гадать, как долго длился этот роман. Решат, что Колин обманывал ее в течение многих лет. В конце концов, его работа связана с постоянными разъездами. Она получит сочувствие, заботливое внимание друзей, но другие жены отвернутся от нее. Не захотят, чтобы рядом ошивалась разведенная женщина. Мужья будут смотреть на нее и гадать, что она такого сделала, что заставило Колина сбиться с пути. Будут спрашивать ее мужа о том, где и как все происходило, опосредованно переживая его приключения.

Дине страстно хотелось забраться обратно в постель и начать утро заново. Вот бы вовсе не находить эту фотографию, подумалось ей. Тогда она и не узнала бы... Но время вспять не повернешь, и ей пришлось смириться с реальностью предательства Колина.

Она устала на обручальное кольцо на левой руке. Крупный камень в центре сверкал даже в тусклом освещении. Каждые три месяца она старательно чистила кольцо, проверяла зубцы, чтобы убедиться, что они не разболтались. Она была так внимательна ко множеству разных вещей. Она была душой.

Дина стянула кольцо с пальца и швырнула через коридор. Оно отскочило от стены и выкатилось на середину полированного деревянного пола. Женщина закрыла лицо руками и разрыдалась.

Бостон Кинг поставила тюльпаны на небольшой, расписанный вручную столик, который принесла из гостевой спальни. Столешница была белой, ножки – бледно-зелеными. Много лет назад она нанесла цветочный узор по краям, идеально сочетающийся с живыми цветами. Теперь она перебирала тюльпаны, пытаясь создать эффект случайного беспорядка.

Она поправила длинный темно-зеленый лист, сместила лепесток, придвинула желтый тюльпан ближе к розовому. Удовлетворившись результатом, подняла столик и поставила его так, чтобы на него падал яркий солнечный луч. Затем уселась на табурет, взяла блокнот и начала рисовать.

Ее рука двигалась быстро и уверенно. Разум прояснился, когда она сосредоточилась на формах, контрастах и линиях, замечая отдельные фрагменты каждого объекта. Кусочки целого, с улыбкой подумала она, вспоминая одного из своих учителей, который говорил: «Мы смотрим на мир на молекулярном уровне. Видим строительные блоки, а не конечный результат».

На странице возник первый цветок. Импульсивно она потянулась за кусочком мела, думая, что сможет запечатлеть чистоту желтого лепестка. Когда она поднесла его к бумаге, ее браслет с подвесками знакомо звякнул. Она закрыла и снова открыла глаза.

Серый. Она выбрала серый, а не желтый. Самый темный из набора, почти черный, но не совсем. Кусок был коротким и потертым, но заостренным. Она всегда держала его заостренным. Затем ее рука снова задвигалась – быстрее, чем прежде. Линии получались будто сами собой, движения были почти привычными.

То, что было цветком, стало чем-то гораздо более прекрасным, гораздо более драгоценным. Еще несколько штрихов, и она увидела лицо младенца. Лиам, подумала она, водя рукой по рисунку, смазывая и смягчая четкие линии, пока они не стали такими же сонными, как изображенный мальчик.

Она нарисовала несколько деталей фона, посмотрела на результат. Да, ей удалось его изобразить: изгиб щеки, обещание любви в полузакрытых глазах. Ее лучший рисунок мальчика. Бостон написала свои инициалы и дату в правом нижнем углу листа, вырвала его из блокнота и положила поверх других рисунков. Взяв кружку с белым чаем, подошла к окну и устала на сад за домом.

По краю участка росли ели. Перед ними танцевала на послеполуденном ветру восковница калифорнийская⁶. Прошлой зимой растения пережили большую бурю. Покачивались последние тюльпаны – их обещание весны уже исполнилось. В течение следующей недели или около того она посадит остальную часть сада. Бостон наслаждалась свежими овощами, хотя и не разделяла одержимость своей соседки Дины выращиванием собственной еды при любой возможности.

⁶ Восковница калифорнийская – вечнозеленый кустарник или небольшое дерево, произрастающее на Тихоокеанском побережье Северной Америки.

Она проникалась молчанием, скорее чувствуя, чем слыша ровное биение своего сердца. Вот что она испытывала в эти дни – молчание. Не тишину. Тишина обладала успокаивающим свойством. В тишине она могла обрести покой. В тишине было только отсутствие звуков. Бостон повернулась и пошла в переднюю часть дома. С грохотом завелся большой фургон на подъездной дорожке Энди. Он стоял там с раннего утра. Зик рассказывал ей о планах новой соседки хранить большую часть мебели в спальне наверху и жить в мансарде во время ремонта. Бостон не завидовала грузчикам, таскавшим вверх по узкой лестнице тяжеленную мебель. Будто вызванный силой мысли, ее муж на потрепанном красном пикапе обогнул отъезжающий грузовик и подъехал к дому. Она смотрела, как он припарковался, вышел и пошел к боковому входу.

Его походка была такой же легкой и грациозной, как и в первый раз, когда она его увидела. Тогда ей было всего пятнадцать – новенькая второкурсница старшей школы на материке. Это была первая неделя занятий, и она цеплялась за друзей, как брошенная в джунглях обезьянка, оставшаяся без матери. Он был выпускником. Красивый. Сексуальный. Игрок футбольной команды. Несмотря на жаркий сентябрьский день, он с гордостью носил свой леттерман⁷.

Она бросила на него единственный взгляд и накрепко влюбилась. В тот же момент поняла, что он – тот самый. Ему нравилось поддразнивать ее, говоря, что у него это заняло больше времени: только поговорив с ней минут десять, он смирился со своей судьбой.

С тех пор они были вместе. Поженились, когда ей было двадцать, а ему двадцать два. Их любовь никогда не угасала, и они были так счастливы вместе, что поначалу не стали заводить детей. Ей нужно было сделать карьеру, а он занимался своим бизнесом. И был целый мир, который стоило посмотреть. Их жизнь была идеальной.

– Привет, детка, – окликнул Зик, входя в кухонную дверь. – Наша соседка приехала.

– Я видела.

Он вышел из кухни и направился к ней. Его карие глаза, как всегда, смотрели ласково, но теперь еще и настороженно. Потому что в последние шесть месяцев их отношения, кажется, начали буксовать.

«Все свелось к чувству вины», – подумала она, крепче сжимая кружку с чаем. Умом они понимали, что ни один из них не виноват, но в глубине души... Ну, она не могла говорить насчет его сердца, но ее стало абсолютно пустым. В последнее время она начала задаваться вопросом, способна ли любовь выжить в черной дыре.

– Этот ремонт серьезно повлияет на нашу прибыль в этом году, – сказал Зик. – Будь поприветливей, слышишь?

– Я всегда приветлива, – улыбнулась она.

– Просто говорю, что тебе, возможно, лучше отложить разговоры о силе, которая исходит от земли, пока мы не обналичим чеки.

Бостон закатила глаза.

– Я только один раз отпраздновала летнее солнцестояние, и то просто из вежливости по отношению к моему другу из художественного класса, в котором я преподавала.

– Ты иногда кажешься людям странной.

– Деревенщина.

– Эксцентричная особа. – Зик поцеловал ее в щеку. – Пойду заберу манатки.

Он вышел на улицу и пошел к грузовику. Бостон взглянула на часы и отметила, что для ужина еще слишком рано. Стояла хорошая погода, и она подумала, что можно просто приго-

⁷ Леттерман (letterman jacket) – университетская, она же бейсбольная куртка – классический атрибут университетских спортсменов в США. Это короткая куртка с контрастными рукавами, стеганой подкладкой, небольшим трикотажным воротником, манжетами и поясом-резинкой. Впервые леттерман появился в 1865 году, когда тренер бейсбольной команды Гарварда придумал нашить на форменные серые свитера самых лучших игроков большую букву Н – в качестве знака отличия. Впоследствии другие команды тоже стали нашивать первые буквы названий своих университетов на свитера и кардиганы.

товить гамбургеры на гриле. Первый раз в сезоне. В прошлые выходные Зик вытащил высокотехнологичное чудовище из нержавеющей стали, и ему не терпелось запустить его.

Она решила, что можно приготовить салат. Может, стоит пригласить Энди. Новая соседка, должно быть, измотана после тяжелого переезда, и Бостон знала, что в ее доме нет ничего даже отдаленно похожего на нормальную кухню.

Зик вернулся с охапкой планов и контрактов. В одной руке он держал ланчбокс, в другой – маленькую коробочку.

Она улыбнулась.

– Это мне?

– Не знаю. Я купил это для самой красивой девушки в мире. Это ты?

Пусть что-то и шло не так, но Зик всегда так старается, подумала она. Он был таким заботливым, регулярно приносил ей маленькие подарки.

Сами подарки не были дорогими: новая кисть, цветок, винтажная заколка для волос. За все годы, что они были женаты, он изо всех сил старался дать ей понять, что думает о ней, что она важна для него. Во многом именно это скрепляло их брак.

Она потянулась за коробкой, но он развернулся, держа ее вне досягаемости.

– Не так быстро, юная леди.

Зик отложил бумаги и медленно протянул ей коробочку.

Она взяла ее, позволив предвкушению нарастать.

– Бриллианты? – спросила она, зная, что они оба ими не интересовались.

– Черт возьми. Ты хотела бриллианты? Но это – новый грузовик.

Несмотря на поддразнивание, его голос как-то изменился. Она подняла взгляд и увидела в его глазах нерешительность. Бостон медленно открыла коробку и прикипела взглядом к крошечным розовым пинеткам.

Они были сшиты из тончайшего трикотажа, с небольшой кружевной отделкой и изящными завязками. Милые, девчоночьи. От одного взгляда на них у нее сжалось в груди. Она не могла дышать. Все тело похолодело, коробочка с пинетками выскользнула из рук.

– Как ты мог? – спросила она едва слышным шепотом.

Боль прошла ее, пронзая и рассекая на части. Она отвернулась, полная решимости крепко удерживать монстра, который был ее болью, в клетке.

Зик схватил ее за руку.

– Бостон, не отгораживайся от меня. Не отворачивайся. Поговори со мной, милая. Мы должны поговорить об этом. Прошло уже шесть месяцев. У нас все еще может быть семья. Другой ребенок.

Она высвободила руку и уставилась на него.

– Наш сын умер.

– Думаешь, я это забыл?

– Ты ведешь себя так, будто забыл. Говоришь о шести месяцах так, словно это целая жизнь. Ну так вот, это не так. Полгода – это совсем немного. Я никогда его не забуду, слышишь? Никогда.

Она увидела, как из глаз мужа исчезает нежность, сменяясь чем-то мрачным.

– Ты продолжаешь, – сказал он ей. – Продолжаешь отгораживаться от меня. Но мы должны двигаться дальше.

– Вот и двигайся дальше, – ответила она, и ее охватило привычное оцепенение. – А я останусь там, где я сейчас.

Смирение прочертило морщинки вокруг его рта.

– Как всегда, – сказал он. – Отлично. Хочешь продолжать – пожалуйста. Я ухожу. Когда вернусь – не знаю.

Зик заколебался, прежде чем отвернуться, словно ожидал, что она попросит его не уходить. Бостон плотно сжала губы, желая побыть одной, нет, нуждаясь в одиночестве. Зик ушел, чтобы выпить, и ее это вполне устраивало. Она пряталась от реальности в своем искусстве, а он – на дне бутылки. Так они справлялись с болью.

Он покачал головой и вышел. Через несколько секунд она услышала, как завелся мотор грузовика.

Когда звук двигателя затих вдали, Бостон вернулась в мастерскую. Внутри она не обратила внимания ни на свет, льющийся сквозь высокие окна, ни на самодельные стеллажи, тщательно сконструированные в соответствии с ее требованиями, ни на мольберты и пустые холсты, ожидающие своей судьбы. Вместо этого ее взгляд упал на портреты Лиама. Ее сына.

Крошечные наброски и портреты в натуральную величину. Рисунки и акварели. Она использовала все материалы, все средства. Нарисовала сотни картин, может быть, тысячи. После похорон Лиама она могла рисовать только его. Это было все, что она хотела создавать.

И теперь, когда ее сердце все еще колотилось, а тело оставалось ледяным, Бостон взяла блокнот для рисования и карандаш. Уселась на любимый табурет и начала рисовать.

Глава 3

Дина сидела в своей машине, припаркованной на стоянке.

На северо-запад Тихоокеанского побережья пришла весна. Молодые листики отражали солнечные блики, кусты покрылись бутонами. В городском парке росла мягкая зеленая трава, еще не вытоптанная детьми, которые скоро придут туда играть.

Она потянулась за купленным стаканчиком кофе и поняла, что ее слишком сильно трясет, чтобы удержать его, не говоря уже о том, чтобы поднести ко рту. Трясло ее последние два дня. Она дрожала, не ела и пыталась понять, как спасти разбитые остатки своей когда-то идеальной жизни. Дина то винила себя, то хотела убить Колина. Она плакала, визжала, а когда дети были рядом, делала вид, что абсолютно ничего не случилось. И вот она придумала план.

На пассажирском сиденье рядом с ней лежало несколько листов бумаги. Заметки, которые она сделала, номера телефонов и статистика. У нее были все документы девочек и копии их с Колином совместных банковских выписок.

Ее возможности были ограничены. Если честно, она не хотела развода. Замужество было ее мечтой, частью ее личности, и Колин не может отнять у нее еще и это. Поэтому она собиралась объяснить мужу, что может простить его, но забывать не собирается. Что ему предстоит очень постараться, если он хочет вернуть ее.

У нее имелось несколько козырей, которые она готова была использовать. Конечно, девочки. Его положение в обществе. Колину нравился остров, но если он не одумается, его подвергнут остракизму.

Голос в глубине сознания шептал, что, возможно, он не захочет отказываться от другой женщины. Может быть, семья его больше не интересует. Семья – в смысле она, Дина, потому что Колин, без сомнения, любил своих дочерей.

Она не стала обращать внимания на этот голос, зная, что он исходит из более слабой части ее самой. Ей нужна сила, и она будет сильной. Она знает, как поступить. Ей доводилось переживать вещи и похуже. Дина глубоко вдохнула и успокоилась настолько, чтобы взять кофе и сделать глоток. Как только Колин согласится прекратить свой роман, она будет настаивать на семейной терапии. Небрежно упомянет, что у нее есть контакты нескольких хороших адвокатов. Адвокатов, которые не считают, что заблудший отец заслуживает проводить много времени со своими детьми.

Слава богу, с домом проблем нет. Он записан на нее, и так будет до самой ее смерти. Несколько раз за эти годы она подумывала о том, чтобы вписать имя мужа в документ, но так и не сделала этого. Теперь она была этому рада. Дина взглянула на часы. Около часа назад, зная, что Колин находится недалеко от дома, она отправила ему сообщение. Написала, что знает о другой женщине, и попросила встретиться с ней в парке. Этот разговор нужно провести наедине, а с пятью девочками в доме уединение было редкостью. Мэдисон пошла к подруге, и Дина наняла няню, чтобы та посидела с остальными четверьями.

Потрепанный седан Колина остановился рядом с ее внедорожником. Дина поставила кофе и потянулась за папками. Когда пальцы сомкнулись на дверной ручке, Дину затопил гнев. Холодная, густая ярость, от которой ей захотелось нападать, резать и ранить. Как он посмел? Она потратила жизнь, служа своей семье, и вот что он с ней сделал? Дина глубоко вдохнула, пытаясь успокоиться. Она должна сохранять ясность ума. Должна быть в состоянии думать. Должна держать себя в руках.

Колин вышел из машины и посмотрел на нее поверх крыши. Он оставался в своем синем костюме, хотя сменил рубашку и галстук. Воодушевленная справедливостью своей позиции, она открыла дверь.

– Привет, Дина.

«Привет»? Не «Мне очень жаль»? Она сжала губы и кивнула, затем направилась к скамейке на газоне. Села сбоку, откуда открывался вид на пролив. Сможет полюбоваться, пока Колин будет пресмыкаться.

Он сел напротив. Взгляд голубых глаз остановился на ее лице. Она ждала, готовая к объяснениям, извинениям. Надеялась увидеть хоть немного страха в его глазах. Нет, мрачно подумала она, много страха.

Но страха не было. Во всяком случае, Колин выглядел как обычно. Конечно, он устал от поездки. Если бы ей пришлось выбирать вторую эмоцию, это была бы покорность судьбе. Она бы могла сказать, что он выглядел решительным, но это не имело смысла.

Он кивнул на папки, которые она держала в руках.

– Ты подготовилась.

– Да.

Он наклонился к ней, положив локти на стол.

– У меня нет интрижки на стороне. Никогда не было.

– Я видела фотографию.

– Ты видела фотографию – и только.

Она отстранилась и расправила плечи.

– Если ты собираешься играть в слова, разговора у нас не получится.

– На фотографии я с коллегой. Весь офис праздновал. Вэл только-только обручилась.

Несколько недель назад ее парень вел себя странно. Она думала, что он собирается с ней расстаться, но я посоветовал ей держаться. Оказывается, он готовил романтический уик-энд за городом, чтобы сделать ей предложение. На фотографии она благодарит меня.

– Поцелуем?

– В щеку, Дина. Она еще ребенок. Я не изменял тебе.

Она увидела в его глазах правду. Колин никогда не был большим лгуном. Хорошее качество в муже, подумала она, когда облегчение сменилось страхом. Папки, которые она держала в руках, вдруг показались ей тяжелыми, мешающими.

– Ты мог бы хоть что-нибудь сказать, – пробормотала она, понимая, что должна извиниться перед ним.

– Ты тоже могла бы, – он выпрямился и внимательно посмотрел на нее. – Мне жаль, что ты считаешь меня мужчиной, который склонен к изменам.

– Я не знала, что еще это может быть, – призналась она, чувствуя себя неловко из-за того, что была не права. – Ты все время в разъездах по работе. Ты целуешься с другой женщиной, все время уходишь...

– Я не виноват, что ты все неправильно поняла, – сказал он.

– Знаю.

Она подумала, что вела себя как идиотка. Ей пришлось объясниться и признать свою вину. Вот как оно бывает.

– Я просто...

Слова застряли у нее в горле.

Она замолчала, и внезапно заговорил Колин.

– Нет. – Он уставился на нее. – Нет, этого недостаточно.

– Что?

– Ты так и не извинилась. Снова.

Она напряглась.

– Колин!

– Мне это надоело. Насчет тебя, нас. Я недоволен нашим браком. Давно недоволен.

Она моргнула, словно сказанное ударило ее прямо в грудь. Открыла рот, но не смогла придумать, что сказать.

Выражение его лица стало напряженным.

– Я устал, Дина. Устал от тебя. Тебе нет дела ни до меня, ни до наших отношений. Не уверен, что тебя волнует что-либо, кроме того, как добиться своего и как все будет выглядеть со стороны. Черт возьми, похоже, тебе не нужно, чтобы я был рядом. Тебе нужна моя зарплата, а потом ты хочешь, чтобы я не мешался под ногами.

Жар обжег ей щеки, страх сковал грудь и отнял дыхание.

– Ты думаешь, я не замечаю, как ты нетерпелива всякий раз, когда я пытаюсь провести время с девочками? Ты заставляешь всех нас чувствовать себя нежеланными гостями в нашем собственном доме. Угодить тебе просто невозможно. Ты постоянно гнобишь девочек, суешь нос в мои дела. Ты господствуешь в доме и чертовски ясно даешь понять, что мне там не рады.

– Я не понимаю, о чем ты говоришь, – прошептала она, пораженная неожиданным нападением. – Это неправда.

– В самом деле? Ты действительно так считаешь? Тогда проблема серьезнее, чем я думал. – На мгновение он замолчал. – Я считал, что все наладится. Что ты поймешь, что творишь. Но ты этого не сделала и не сделаешь. Может быть, я боялся последствий, не знаю. Как бы то ни было, я устал ждать.

Он встал и посмотрел на нее сверху вниз.

– Уверен, что в твоих папках достаточно информации, Дина. Не знаю, планировала ли ты напугать меня до смерти или сказать, чтобы я убирался. Я не так расчетлив и предусмотрителен, но скажу вот что: мне нужен настоящий брак. Я хочу чувствовать, что мне рады в моем собственном доме. Я устал оттого, что ты командуешь всеми и обращаешься с дочерьми как с собаками, которых нужно приучать к дому, а не с детьми, которых нужно воспитывать. Отныне все изменится – или наш брак закончится.

Кажется, он говорил что-то еще, Дина не была уверена. Она лишь чувствовала, что замерзла и не может дышать, что у нее болит живот. Она попыталась встать и не смогла. Папки упали на землю. Бумаги разлетелись.

Он ошибается. Он не прав! Слова повторялись снова и снова – неправильные и жестокие. Дина ненавидела его, ненавидела все это. Ей наконец удалось встать со скамейки. Она повернулась, чтобы сказать Колину об этом, но он уже ушел. Она увидела, как его машина отъехала и исчезла за поворотом. Дина осталась одна.

Бостон погрузила руки в прохладную почву и пошевелила пальцами в рыхлой земле. Рядом выстроилась рассада: нежные пучки, которые вырастут в крепкие растения. Большую часть сада она засеивала семенами, но последние несколько лет экспериментировала с выращиванием овощей из рассады. Зик даже построил для этого небольшую оранжерею. В прошлом году она добилась успеха с помидорами, в этом добавила брокколи и капусту.

Она потянулась за первым растением, но села на пятки, услышав, как на подъездную дорожку въехал грузовик. Это не муж, подумала она. Ее шурин – Уэйд. Скорее всего, прибыл, чтобы заступиться за Зика. Ох уж эти старшие братья! Уэйд не мог удержаться, чтобы не встать между Зиком и неприятностями, как не мог изменить цвет своих глаз или рост. Бостон передвинулась и села на траву, скрестила ноги в ожидании. Секунд через тридцать Уэйд вышел из-за угла дома и увидел ее.

– Так и знал, что ты будешь в саду, – сказал он, подходя.

Бостон посмотрела на него. Братья были примерно одного роста, шесть футов два дюйма, с темными волосами и глазами. Сильные, добродушные и преданные до глубины души. У них были причуды, в которых они не признавались, и страсть к спорту, которую она никогда не понимала. Но каждый год она устраивала небольшой семейный праздник в честь завершения футбольного сезона.

Уэйд устроился рядом, вытянув длинные ноги. На нем были джинсы, поношенные рабочие ботинки и клетчатая рубашка. Никакой куртки. Братья Кинг были крепкими и почти не носили верхнюю одежду вплоть до наступления холодов. Бостон знала Уэйда почти так же давно, как и его брата. Если она правильно помнила, Зик отвез ее домой, чтобы познакомить с семьей, после их второго свидания. За салатом и спагетти он объявил, что однажды женится на ней. Стоит отдать должное его родителям: никто из них и глазом не моргнул, услышав это заявление. Вероятно, они предполагали, что в юности любовь недолговечна.

– Он думает, что ты злишься, – непринужденным тоном сообщил Уэйд.

– Разве не он должен вести этот разговор? – поинтересовалась она.

– Ты же знаешь, Зик ненавидит ссоры.

– А ты – нет?

Уэйд одарил ее знакомой улыбкой.

– Я слишком тебе нравлюсь, чтобы ты на меня орала. Кроме того, я невинный свидетель.

– Я люблю Зика, и мне очень удобно кричать на него.

– Конечно, именно поэтому я здесь вместо него. Он не знает, как до тебя достучаться.

Говорит, что иногда ему кажется, будто тебя вовсе нет.

Точная оценка, подумала она. Каждый свободный уголок ее сердца наполнен болью. Боли так много, что она больше ничего не могла ощущать. И поскольку боль поглотила ее, она сознательно предпочитала вообще ничего не чувствовать. Бостон скучала по своему прекрасному мальчику в полном одиночестве, в эмоциональном вакууме – там он всегда улыбался, был счастлив и лишь слегка недосыпаем.

Она ткнула пальцем в разрытую землю.

– Это не твоя битва, Уэйд.

– Скажи мне, что Зик может вернуться домой. Я устал оттого, что он спит у меня на диване.

– Ему вообще не нужно было уходить.

Уэйд приподнял левую бровь. Она вздохнула.

– Не моя вина, что он предпочел сбежать, вместо того чтобы сразаться. Я готова взять это на себя.

– Ты? Он говорит, проблема в том, что ты бездействуешь. – Беспокойство омрачило его взгляд. – Вы уже потеряли Лиаму. Не теряйте друг друга.

Бостон сумела не вздрогнуть, услышав имя своего сына.

– Меня он не потеряет, – сказала она, изо всех сил стараясь, чтобы голос звучал ровно, иначе Уэйд догадается о правде. – Я буду любить Зика до самой смерти. А он рассказал тебе, что именно он мне сказал?

Уэйд посмотрел на нее.

– Он прав, Бостон. Если у вас будет другой ребенок...

Она вскочила на ноги и покачала головой.

– Прекрати! Ты не имеешь права так говорить. У тебя есть дочь – красивая и здоровая. Ты не можешь указывать мне, когда я должна быть готова.

Она сделала шаг назад, потом еще один.

Уэйд поднял обе руки.

– Прости. Ты права. Я не должен был так говорить, упоминать это. – Бостон сделала глубокий вдох. Уэйд подошел и обнял ее. Она устроилась поудобнее, молчаливо принимая его извинения. Шурин поцеловал ее в макушку. – Не злись на него. Он тебя любит. Я тоже тебя люблю. Просто немного иначе.

Это была старая семейная шутка. Милая и приятная. Она закрыла глаза и кивнула.

– Я тоже люблю тебя, только иначе. Отправь его домой. Все в порядке.

– Ты уверена?

– Если он будет здесь, я смогу более тщательно мучить его.
– Вот это моя девочка. – Он отпустил ее. – Я беру на себя работу у Гордон.
– В доме по соседству? Не Зик?
– Мы с ним решили, что я больше подхожу для этого проекта.
Она посмотрела на Уэйда и подняла брови.
– Конечно, подходишь. Уверена, это был долгий и вдумчивый разговор, и ни слова о том, что Энди Гордон – симпатичная, одинокая и у нее отличная задница.
– Моя работа – это сплошная боль. Я делаю все, что в моих силах.
– Ты законченный и неисправимый кобель.
– Не совсем, но я действительно хочу заценить новую соседку. – Он подмигнул. – У меня с утра назначена встреча. Пожелай мне удачи.
– Даже не подумаю. И отправь моего мужа домой.
Уэйд махнул рукой в знак согласия и направился к своему грузовику.
Бостон вернулась к своим посадкам.

Зик вернется, они поговорят, и жизнь снова пойдет своим чередом. В какой-то момент ему придется признать, что она не готова к следующему шагу. Ее сердце разорвано на столько частей, что, возможно, никогда уже не станет целым. Люди исцеляются по-разному и в разные сроки. Ее вполне устраивало, что он готов двигаться дальше. Ей почти хотелось походить на него. Почти. Потому что правда заключалась в том, что не отпускать прошлое значило как бы оставаться рядом со своим умершим ребенком. В ее боли Лиам всегда был с ней – именно там, где ему и место.

Дина не знала, сколько времени просидела в парке. Когда она наконец заставила себя пошевелиться, ее била дрожь. Возможно, из-за того, что на улице похолодало, а может, из-за чего-то, что засело глубоко внутри.

Слова Колина продолжали терзать ее. Встав, она словно ощутила, как из невидимых ран сочится кровь.

Он не прав, сказала она себе, возвращаясь к внедорожнику. Как он может так о ней думать? Она любит детей. Она посвятила семье всю свою жизнь, всю себя. Вся ее жизнь определяется этими отношениями, ее любовью к семье. Дина завела двигатель и медленно поехала назад к дому. Когда она поворачивала, папка соскользнула с сиденья и бумаги рассыпались по коврику под пассажирским местом.

«Я была так уверена в его измене, – с горечью подумала она. – Так подготовились. Знала, что скажу и чего потребую...» Теперь ей оставалось только бороться, и она была не в силах понять, что именно пошло не так.

Унижение пронзило насквозь, опалая кожу. Говорил ли он об этом с девочками? Знали ли они о том, что произошло? Дина могла предположить, что Мэдисон обрадуется. Но другие дочери – младшие, близнецы. Они были ее детьми, любили ее, она была их матерью.

Вдруг Дина поняла, что теперь она уже не так в этом уверена, как час назад. Как будто кто-то поднял весь ее мир и встряхнул, а потом поставил обратно. И хотя все было на своих местах, швы уже не были прямыми, а края не совпадали.

Она повернула за угол и начала подниматься на последний холм. В поле зрения появились «Три сестры». Вид ее дома, так прекрасно отреставрированного, обычно успокаивал. Но не сегодня. Не сейчас.

Очевидно, она просидела в парке не так долго, как ей показалось, потому что Колин все еще был на подъездной дорожке. Все пять девочек столпились вокруг, обнимали его и болтали, каждая из всех сил старалась стать той, кто понесет его чемодан.

Она замедлила шаг, затем остановилась на улице и смотрела, как ее дети улыбаются своему отцу. Они были так рады его видеть. Она слышала их возбужденные голоса и смех. Девочки практически танцевали вокруг него.

Несколько дней назад эта сцена наполнила бы ее удовлетворением и гордостью. Столько отцов не интересовались своими детьми, но только не Колин. Он всегда участвовал в воспитании девочек. Теперь она поняла, что у него с самого начала был план. Он желал отобрать у нее все, чтобы причинить боль.

Дина подождала, пока они войдут внутрь, припарковалась рядом с его машиной и вошла в дом. Из кухни доносился громкий разговор, каждая из дочерей Колина стремилась завладеть его вниманием. Она поднялась по лестнице в их спальню и закрыла дверь.

Прислонилась к крепкой древесине и изо всех сил старалась просто дышать. Она не будет плакать, сказала она себе. Не покажет, что он задел ее.

Она подошла к кровати и схватилась за один из угловых столбиков. Держалась, хватая ртом воздух.

Несправедливость вызвала у нее желание закричать. Дина всем пожертвовала ради Колина. Создала идеальную жизнь, на которую он теперь жаловался. Она была хорошей матерью. Хорошей! Как он смеет ее осуждать? Он уезжал каждую неделю. Она заботилась обо всех мелочах, ей приходилось справляться со всеми проблемами, в то время как он мог приходить и уходить, когда ему заблагорассудится. Этакий герой, который появляется лишь время от времени. Она же была родительницей, которая напоминала детям, чтобы они чистили зубы.

Желчная горечь подступила к горлу. Она вцепилась в резное дерево обеими руками, впиваясь ногтями в лакированную поверхность. Ее переполняла ненависть. Негодование и гнев смешались, превратившись в яд.

Будь он проклят, злобно подумала она. Будь они все прокляты.

Глава 4

Энди стояла перед кофеваркой.

– Давай, – пробормотала она. – Быстрее. Seriously, я в отчаянии.

Вода внутри забурлила, а затем потекла, словно волшебный темный эликсир. Энди поставила кружку на место кофейного кувшина и ждала, пока она наполнится до краев, а затем ловко вернула кувшин на место и сделала первый глоток.

«Это жизнь», – радостно подумала она, чувствуя, как горячая жидкость с кофеином стекает в горло. Жизнь, ее обещание и постепенное отступление сонной серости, окутывающей мозг. Энди откинула с лица волосы и попыталась напомнить себе, что любит этот дом. Она вырвала всю свою жизнь с корнем по причине, которая на тот момент казалась ей очень убедительной.

– Еще кофе, – сказала она вслух. – И тогда я вспомню, почему решила, что это хорошая идея.

Она пересекла чердачный этаж и выглянула в окно. Да, жить тесновато, но уж точно нельзя пожаловаться на открывающийся вид. Отсюда вся западная часть острова как на ладони, а за ней в лучах яркого утреннего солнца сверкает пролив. Прямо сейчас, с кофе в руке и без ужасающих проблем, способных взорвать ей мозг, она видела открывающиеся возможности. А это уже немало.

На подъездную дорожку въехал грузовик. Она смотрела вниз, гадая, кто решил навестить ее в восемь утра в субботу. Должно быть, это...

– Дерьмо, – сказала Энди, ставя кофе на подоконник и бросая взгляд на безразмерную футболку, в которой спала. – Два раза дерьмо.

Зик, ее подрядчик. У них назначена встреча. Она бы не забыла, если бы спала больше четырех часов за последние три ночи.

Она сорвала с себя футболку, натянула джинсы и застегнула лифчик. Схватив вчерашнюю блузку, сунула ноги в сандалии и поспешила вниз по лестнице. Задержалась на площадке второго этажа, чтобы натянуть и расправить блузку. Энди не принимала душ с тех пор, как приехала, а на голове у нее было что-то вроде прически на Хеллоуин. Она радовалась, что хотя бы почистила зубы. Цивилизация требует стандартов. Возможно, ее стандарты невысоки, но она старается им соответствовать.

Она спрыгнула с последних трех ступенек и бегом направилась к двери, успев открыть ее как раз перед тем, как Зик постучал.

– Да ладно, – сказала она со смехом. – Вы приехали на машине? Вы же живете...

Она хотела сказать «по соседству», но слова замерли на языке, челюсть отвисла. Потому что парень, стоявший перед ней, не был Зиком Кингом, ее соседом и подрядчиком.

Зик был высоким, с темными волосами и приятной улыбкой. Симпатичным, на ее вкус. Так можно было описать и этого мужчину, но на этом сходство заканчивалось.

Его рост отличался от роста Зика максимум на полдйма, но он выглядел выше. Волосы темнее, а улыбка ярче. Сексуальнее, подумала она, осторожно закрывая рот и отчаянно жалея, что не приняла душ и не нарядилась. Что не надела тот прекрасный костюм, в котором она смотрится так, будто у нее действительно есть фигура и – да-да – грудь.

– Доброе утро, – поздоровался мужчина низким хриловатым голосом.

Она слегка поджала пальцы ног. Жаль, что без педикюра.

– Ты, должно быть, Энди Гордон. Я Уэйд Кинг. Брат Зика.

У Зика есть брат?

Вокруг глаз Уэйда залегло несколько морщин, делавших его лицо более выразительным. Энди предположила, что он на пару лет старше Зика. Если бы она не потратила последние

десять лет на то, чтобы ее сердце растоптал никчемный придурок, бросивший ее у алтаря и две недели спустя женившийся на своей секретарше, она бы поинтересовалась, холост ли Уэйд.

– Энди?

– Что? Извини. – Она покачала головой. – Я задумалась. Входи.

Она отступила назад, пропуская его в дом.

– О чем? – спросил он.

– Прошу прощения?

– Ты сказала, что задумались.

– О, точно. Я не выспалась. У меня тут летучие мыши.

Уэйд рассмеялся. Она вдруг нашла его чуть менее сексуальным.

– Я не шучу. Здесь летучие мыши и нет горячей воды. Днем отсутствие горячей воды для меня – большая проблема. Но хуже то, что летающие грызуны не дают мне спать по ночам.

Он бросил свой потертый рюкзак на пыльный пол.

– Ты действительно ненавидишь летучих мышей.

– Я ненавижу все, что попадает мне в волосы в три часа ночи. Я отбивалась от них метлой.

– Я бы заплатил деньги, чтобы увидеть это.

– А я бы заплатила, чтобы они исчезли. Знаешь, какой процент летучих мышей переносит бешенство?

– Не знаю.

– Он действительно высокий.

Его губы дрогнули.

– Только если у тебя их достаточно много.

Она уперла руки в бока.

– Зачем ты пришел?

– Я твой подрядчик. Уэйд Кинг. Ты и впрямь устала.

– Я помню твое имя. Ты – брат Зика. Вы работаете вместе?

– Да. «Строительная компания Кингов». Никакой связи.

– Что?

– «Строительная компания Кингов». «Кинги из Калифорнии». – Его тон стал услужливым. – Они имеют большое влияние в... неважно. Мы с Зиком всегда работаем вместе. Будем приходить и уходить, но здесь главным буду я. – Он раскрыл рюкзак. – У меня с собой планы. Готова взглянуть? Я знаю, что ты встречалась с Зиком сразу после того, как сделала заказ, но я хочу все подтвердить, прежде чем мы начнем глобальную перестройку в понедельник.

– Можно мне горячую воду и без летучих мышей?

Он одарил ее такой улыбкой, что у нее подкосились колени.

– Конечно. Я позабочусь и о том, и о другом.

– Тогда я с удовольствием взгляну на планы.

В начале одиннадцатого Энди встала под струи горячей воды и решила, что никогда больше не будет ни о чем просить или жаловаться. Душ казался раем. Она смыла с волос пену, потянулась за гелем для душа с ароматом праздничного торта и выдавила на ладонь щедрую порцию. Сладкий запах окутал ее, прогоняя остатки усталости. Пока есть горячая вода и кофе, она может быть счастлива.

Двадцать минут спустя Энди переделалась в чистую одежду и расчесала мокрые волосы. Пошла на звуки ругани на третий этаж и постояла, наблюдая, как ее работяга-подрядчик обнаружил, что она не лгала насчет летучих мышей.

– Вот видишь?

– Не самое подходящее время для самодовольства, – заметил он, махнув чем-то похожим на сачок для бабочек в сторону темного угла помещения, которое она считала своей гостиной.

– Почему бы и нет. Ты же мне не поверил. О, и я не шутила насчет бешенства. Не позволяй им себя укусить.

Он бросил на нее быстрый взгляд.

– План как раз и состоит в том, чтобы не оказаться покусанным.

Что-то темное соскользнуло со стропил. Уэйд взмахнул сетью и поймал тень прежде, чем она успела скрыться за большим шкафом у стены. Энди пришлось признать, что ее весьма впечатлили его координация движений и рельеф мышц, проступавших под поношенной футболкой.

В сетке трепыхалась летучая мышь. Уэйд прижал отверстие сачка к стене, чтобы она не смогла выбраться.

– Подержи, пожалуйста.

Энди взялась за ручку, пока он натягивал перчатки.

– Ты же не собираешься ее убивать?

– Нет. Собираюсь отнести ее к деревьям и отпустить. Я обнаружил здесь только ее, так что выпустим – и с тобой все будет в порядке.

– Хорошо. – Она вздрогнула. – Надеюсь, она тебя не укусит.

Он вскинул бровь.

– Я тоже.

Она посмотрела в окно. Уэйд вышел на лужайку с проплешинами и направился к роше. Секундой позже что-то затрепетало в листьях, а он пошел назад к дому.

«Впечатляет», – подумала Энди и пожалела, что не позвонила подрядчику после первой ночи. Она могла бы избавиться от летучей мыши гораздо раньше.

Она налила им по чашке кофе и устроилась за маленьким столиком. Уэйд присоединился к ней и вытащил из рюкзака планы.

Они сидели достаточно близко, и Энди вдыхала чистый запах мыла и кондиционера для белья. Темные глаза Уэйда вобрали в себя тысячу оттенков коричневого с крошечными золотыми крапинками. Ее взгляд остановился на его губах, и она задумалась, хорошо ли он целуется. Не то чтобы она могла об этом судить: она целовалась с Мэттом десять лет, и только посмотрите, к чему это привело.

– Это план первого этажа.

Он пододвинул бумагу и развернул план входной двери к ней. Она наклонилась и стала рассматривать комнаты. Приемная, стойка регистрации, служебное помещение, обеденный зал, три процедурных кабинета, подсобки. Уэйд говорил об окнах и освещении, о материалах, которые они будут использовать. О том, что нужно будет подобрать цвета и выбрать светильники.

– Несколько лет назад мы проводили реконструкцию в клинике доктора Харрингтона, – сказал он. – Ты с ним встречалась?

– Да. Я буду работать там, пока мой собственный офис не будет готов. Начинаю в понедельник.

– Будет возможность – осмотришь там. Мы сделали несколько встроенных модулей на заказ, и они очень нравятся медсестрам. Можно сделать у тебя такие же.

Она посмотрела на Уэйда.

– Самое главное, о чем нужно помнить, – я имею дело с детьми. Хочу, чтобы им было удобно и приятно, особенно если они больны. Обстановка не должна усугублять ситуацию, пугая их. Нужны яркие, дружелюбные цвета.

Он откинулся назад и ухмыльнулся.

– Теперь ты говоришь как моя невестка, – он указал на соседний дом. – Бостон.

– О, точно. Зик – ее муж. Я познакомилась с ней в начале прошлой недели. Она такая милая.

– Так и есть. И еще она художник. Может быть, вы с ней обсудите, что делает один цвет дружелюбнее другого.

Она изучающе посмотрела на Уэйда, отметив, что вокруг его глаз собрались веселые морщинки.

– Издеваешься?

– Чуть-чуть. Есть немного времени, прежде чем мы будем готовы к покраске.

– Я обязательно приму решение в ближайшую пару недель.

Они поговорили о логистике – какие стены предстоит снести и насколько сильный будет беспорядок. Уэйд заверил ее, что она сможет жить в доме на протяжении всего строительства, и она ему почти поверила. Энди утвердила даты поставки различного оборудования и дала ему список приборов и приспособлений, которые уже выбрала.

– Я буду сообщать свежие новости почти каждый вечер, – сказал он ей. – Обычно я ухожу с работы последним.

– Работающий босс, – пробормотала она. – Впечатляет. А твое долгое отсутствие не беспокоит семью?

– Они привыкли.

Энди тихо вздохнула. Вот и вся информация в ответ на попытку узнать, женат он или нет. У среднестатистического шестнадцатилетнего парня было больше опыта в свиданиях, чем у нее. Она лишь хотела знать, был ли Уэйд так же хорош, как выглядел. О, и, конечно, женат ли он.

Не то чтобы она стремилась к отношениям. Энди переехала на остров с мыслью, что проведет остаток жизни, принеся обет безбрачия. В конце концов, она не будет скучать по мужчинам. В самом деле, как можно тосковать по тому, чего у тебя никогда по-настоящему не было? Она и Мэтт не вели бурную сексуальную жизнь, хотя сейчас нечто большее, чем просто отход ко сну каждый второй субботний вечер, звучало как развлечение. Но она не собиралась говорить об этом вслух или даже думать. Эта часть ее жизни закончилась. Она движется дальше – на более высокий духовный план.

– Энди?

Она моргнула и поняла, что Уэйд пристально смотрит на нее.

– Хм?

– Ты в порядке?

– В порядке. Немного раздражена после ночей с летучей мышью.

– Кто угодно был бы раздражен. – Он встал. – Пойдем. Покажу, где я прикидывал разместить кухню.

Увы, это было самое волнующее приглашение, которое она получила за последнее время.

Воскресным утром Дина задержалась на верхней площадке лестницы. Слушала смех и разговоры, доносившиеся из кухни. Так было всегда. Независимо от рабочего графика, по воскресеньям Колин был дома. Он вставал рано и готовил завтрак для всей семьи. Иногда омлет, иногда оладьи. Однажды он даже сам испек булочки.

Девочки присоединялись к нему, усаживались на табуреты у кухонной стойки и рассказывали о том, как прошла неделя. Мэдисон и Люси помогали с готовкой, а Одри присматривала за близнецами.

Дина никогда не была поклонницей воскресного ритуала. Ей не нравилось, как Колин готовит. Он всегда устраивал такой беспорядок. Использовал все кастрюли и сковородки, которые оказывались под рукой. Повсюду оставались брызги и пятна, в раковине громоздились тарелки. Но больше всего ей не нравилось, что по утрам они все, казалось, были настроены против нее. Она, как мать, готовила все остальные блюда, но никогда не чувствовала себя комфортно на собственной кухне воскресным утром.

Теперь Дина заколебалась, не зная, стоит ли к ним присоединяться. Последние два дня они с Колином избегали друг друга. Он спал на диване, и это ее раздражало. Она так хотела сама вышвырнуть его из их спальни, но он не дал ей такого шанса. Теперь он вел себя так, будто больше ничего не изменилось.

Она считала, что это не так. Он выдвинул ультиматум, а затем ушел, бросив ее.

Дина потерла пальцы, чувствуя, как пересохла и растрескалась кожа на костяшках. Она слишком часто мыла руки. Хуже того – это не помогало. Привычный ритуал не давал никакого утешения.

Ее охватил стыд. Стыд за свою слабость, за то, что она не контролирует семью и мужа. Если люди узнают, они станут смеяться над ней. Ей нигде не будет места.

Этого не должно случиться, сказала она себе. Она сильная и решительная. Она пережила и более сложные обстоятельства. Каким-то образом они с Колином придут к соглашению. Раньше всегда получалось. Просто сейчас у него такое настроение. Это пройдет. Что же касается девочек, она – их мать, и ничто не может этого изменить. Дина вздернула подбородок и начала спускаться по лестнице. Когда она приблизилась к кухне, голоса зазвучали громче. Раздался взрыв смеха. Она изобразила улыбку и вошла в широкий дверной проем.

Колин стоял у плиты. Близнецы и Одри расположились у стойки. Люси наливала сок, а Мэдисон стояла рядом с отцом.

Они все повернулись как один и посмотрели на нее. На счастливых лицах трех младших девочек отразилась вина. Люси выглядела так, словно хотела заползти в шкаф, в то время как Мэдисон свирепо уставилась на мать. Лицо Колина осталось непроницаемым.

Смех сменился тишиной. Дина переводила взгляд с одной дочери на другую, не видя никаких признаков приветствия. Она стиснула пальцы, но приказала себе стоять на своем. Колин повернулся к плите и перевернул несколько оладий.

– Почти готово, – сказал он.

– Я принесу сироп, – отозвалась Мэдисон.

Дина стояла в дверном проеме, невидимая и нежеланная, и перед ее глазами всплывали воспоминания о предыдущих воскресеньях. «Так было всегда», – подумала она, потрясенная осознанием. Тишина, когда она входит в комнату. Очевидные признаки того, что ей лучше просто уйти, что здесь ей не место.

Слезы жгли. Она сморгнула их, повернулась на каблуках и вышла. В коридоре остановилась, не зная, куда пойти. В груди все сжалось, и она поспешила вверх по лестнице. В спальне она тщательно закрыла и заперла дверь, затем прошла в ванную, включила горячую воду и потянулась за мылом.

В воскресенье днем Энди сидела на выдавшем виды и немного опасном крыльце. Она старалась избегать расшатанных досок и заноз, но день был слишком прекрасным, чтобы оставаться в помещении. Кроме того, в ее крошечном жилом пространстве больше не осталось дел. Она распаковала вещи, избавилась от летучей мыши и теперь просто ждала понедельника, чтобы с утра выйти на работу.

Бостон завернула за угол своего дома, увидела Энди и помахала рукой. Та помахала в ответ.

– Как дела? – спросила Бостон. Ее волосы вспыхнули на солнце пурпурными бликами.

– Хорошо. – Энди встала и спустилась по лестнице. – Я устроилась. Ремонт начнется завтра.

Бостон покачала головой.

– Тогда наслаждайся последним днем нормальной жизни. Я знаю, что порой разрушения необходимы, но смотреть на это тяжело.

– К счастью, меня не будет дома большую часть дня. Я временно работаю с доктором Харрингтоном. Это даст мне возможность познакомиться с потенциальными пациентами.

– А он не будет возражать, когда ты откажешься от его практики?

Энди усмехнулась.

– Вовсе нет. Он сказал мне, что рад, что на острове появится педиатр. – Она огляделась и понизила голос. – Думаю, он устал иметь дело с маленькими детьми и младенцами. У них, как правило, больше неотложных случаев. Ушные инфекции и все такое прочее.

Бостон кивнула, но ее взгляд скользнул куда-то в сторону.

– Правильно. – Она скрестила руки на груди. – Уэйд упоминал летучих мышей. Они больше тебя не беспокоят?

– Похоже на то, – Энди внимательно посмотрела на соседку. Она могла бы поклясться, что Бостон внезапно переменялась, но понятия не имела, что именно произошло. Прежде чем она успела придумать, как спросить об этом, входная дверь дома с другой стороны открылась и на крыльцо вышла привлекательная блондинка.

– Твоя вторая соседка, – пробормотала Бостон. – Дина Филлипс. У нее пять дочерей. Наверное, мне следует вас представить.

Энди уже собиралась согласиться, но тут Дина поднесла руку к щеке и провела по коже. Они находились слишком далеко, чтобы разглядеть слезы, но жест был очень характерным.

– Лучше в другой раз, – сказала Энди, отворачиваясь.

Бостон кивнула и сдвинула брови.

– Дина всегда такая сдержанная. Не могу представить, чтобы она плакала. Для слез ей бы пришлось на время отказаться от своего идеального образа. – Она поморщилась. – Прошу прощения. Это прозвучало стервознее, чем я хотела.

– Ничего, – отозвалась Энди, понимая, что жизнь на их маленькой улице может оказаться не такой простой и спокойной, как она представляла поначалу.

Глава 5

В понедельник утром Энди припарковалась за низким одноэтажным зданием и вышла из машины. В животе порхала целая стайка бабочек. Она могла подробно объяснить всю физиологию – работу синапсов, влияние адреналина и других химических веществ, выделившихся в кровь из-за ожидания потенциально неприятного события, но бабочки – это наиболее наглядный образ.

Энди особо тщательно подбирала одежду для первого рабочего дня. Сшитая на заказ блузка, заправленная в черные брюки. Удобные туфли на низком каблуке. Она заплела длинные выющиеся волосы в косу и слегка подкрасила тушью ресницы. Задумалась насчет блеска для губ, но это показалось ей слишком вызывающим для работы, поэтому она выбрала бесцветный бальзам и решила, что выглядит достаточно презентабельно.

Она взяла женскую сумочку, медицинскую сумку и белый халат с надписью «Доктор Энди», напечатанной на кармане. Некоторых пациентов пугал белый халат, поэтому на том же кармане была вышита ярко-розовая гусеница. Сочетание яркой окраски и фиолетовых туфель на высоком каблуке на лапках насекомого производило желаемый эффект. Халат больше не вызывал опасение, а веселил. Расслабленный пациент – лучший результат. Энди делала все, чтобы действительно помогать детям.

Она подошла к главному входу и вошла внутрь.

Приемная была оформлена в нежных бежевых тонах. Там было много диванов и кресел, стопки журналов, из окна открывался вид на торговый центр через дорогу. «Типичная медицинская клиника», – подумала она, направляясь к стойке администратора.

Сидевшей там женщине с огненно-рыжими волосами было за пятьдесят. Она выглядела высокой, даже когда сидела, с броскими кольцами на нескольких пальцах и самыми длинными ресницами, которые когда-либо доводилось видеть Энди. Она сомневалась, что они были натуральными, как и цвет волос. Но улыбка женщины была теплой, и Энди вспомнила, что та была приветливой.

– Привет, Лаура, – сказала Энди.

Женщина подняла глаза и вскочила на ноги.

– Вот и вы! Мы так рады, что вы начинаете сегодня. Представьте – у вас уже назначены приемы. Когда стало известно, что на остров переезжает педиатр, нам начали звонить. Семьи так взволнованы.

Лаура жестом пригласила ее войти. Энди вошла в дверь приемной и оказалась в длинном коридоре. Когда-то это была обширная частная резиденция. Спальни превратили в смотровые и кабинеты.

– Все уже должны быть здесь, так что вы можете познакомиться с персоналом. Доктор Харрингтон сказал, что хотел бы пообщаться с вами несколько минут, прежде чем вы начнете.

Доктор Харрингтон занимался на острове семейной практикой. По выходным работала клиника неотложной помощи, но в остальном жителям приходилось обращаться к нему или ехать за медицинской помощью на материк. Учитывая демографию этого места – много семей и пара часов езды от Сизгла, – Энди видела явную необходимость в педиатре. Теперь она собиралась выяснить, насколько она права.

Из смотровой вышла симпатичная блондинка с длинными прямыми волосами. Энди вспомнила, как познакомилась с ней, когда посещала остров и договаривалась с доктором Харрингтоном насчет работы в его клинике в течение нескольких месяцев.

– Нина, верно?

Женщина лет тридцати с небольшим, одетая в светло-голубую униформу, улыбнулась.

– Вы меня вспомнили. Добро пожаловать, доктор Гордон.

– Пожалуйста, зовите меня Энди.

– Хорошо, Энди.

Лаура коснулась руки Нины.

– Мы подумали, что вам будет проще, если к вам будет приставлена медсестра. Нина вызвалась помочь.

– Спрашивайте меня о чем угодно, – сказала Нина. – Я могу рассказать обо всем – начиная с того, где мы храним спиртовые салфетки, и заканчивая лучшей химчисткой в городе.

– Мне понадобится и то и другое, – заверила Энди.

Лаура представила ее другим медсестрам, а затем повела обратно, в помещение, которое станет временным кабинетом Энди. Это была маленькая комнатка без окон, со столом и компьютером.

– Я понимаю, что это не так уж много... – начала Нина.

– Не волнуйтесь, – успокоила ее Энди. – Я здесь ненадолго. Меня устроит любое место, где можно составлять и обновлять график работы.

– И поискать обувь в интернет-магазинах во время перерыва?

Энди усмехнулась.

– Обязательно. Пока мне нравится на острове все, кроме отсутствия розничных магазинов.

– Если вам нужен магнит в форме ежевики, я могу много чего предложить.

– Сейчас у меня нет кухни, так что с этим придется повременить.

– Просто дайте знать, когда надумаете.

– Обещаю, – сказала Энди.

Она бросила сумочку в нижний ящик металлического стола и пошла за Ниной через холл в кабинет доктора Харрингтона.

Когда она вошла, пожилой мужчина встал.

– Спасибо, Нина. Энди, так приятно снова вас видеть.

– Рада встрече, доктор Харрингтон.

Седовласый мужчина пожал ей руку.

– Пожалуйста, зови меня Роном, – он подмигнул ей. – Доктор Харрингтон – мой отец.

Энди заняла место для посетителей за его столом. Он откинулся на спинку стула.

– Мои сотрудники помогли тебе освоиться? – спросил он.

– Да. У меня уже даже назначены приемы.

– Ты будешь постоянно занята, это точно. Работы хватит на всех.

– Я ценю, что мне позволили работать здесь все лето.

– Рад, что ты мне поможешь, – его голубые глаза блеснули за стеклами очков. – По крайней мере, до тех пор, пока мой сын не присоединится ко мне в сентябре. – Он снова откинулся назад и улыбнулся. – Мой сын – тоже доктор. Приятно звучит.

– Да, это так.

– Я говорил, что Дилан окончил медицинский факультет с отличием?

«Всего раз пятнадцать», – с улыбкой подумала Энди.

– В самом деле? Вы, должно быть, гордитесь им.

– И я, и его мать. Он умный мальчик. И перспективный врач.

Энди подумала, что его радость за достижения сына – это хорошо. Некоторые родители были в восторге, когда их дети становились врачами. Но для нее путь к тому, чтобы стать педиатром, оказался немного более тернистым. Не то чтобы ее родителям не нравилась профессия медика, просто они считали, что выбор дочери – это пустая трата ее таланта.

Зачем заниматься «поцарапанными коленками и прививками», как выразилась ее мать? Ее мать, кардиохирург, считала, что Энди следовало выбрать более сложную специальность. Ее отец, нейрохирург, был согласен с супругой. Брат Энди тоже был нейрохирургом, а ее сестра

проводила медицинские исследования по лечению рака. Энди считали семейным разочарованием – скорее неудачницей, чем ребенком, который оправдал свой потенциал.

Она встряхнулась, заставляя себя забыть о голосе матери, и снова обратила внимание на Рона, который объяснял, как работает его клиника.

– Нина проверит расписание, – говорил он. – Если не возражаешь, мы бы хотели, чтобы ты каждые три недели работала по субботам. Получишь дополнительный выходной.

– Это не проблема, – заверила она его. – Я знаю, что многие родители работают, поэтому попасть к врачу в середине недели для них бывает затруднительно.

– Хорошо. Потом Нина покажет, где у нас что. – Он встал. – Я подумал, что мы с тобой можем сегодня сходить на ланч. Я отвечу на любые вопросы. – Он подмигнул. – Покажу фотографии с выпускного моего сына.

– С удовольствием.

– Отлично. – Он снова пожал ей руку. – Мы рады, что ты здесь, Энди.

– И я очень рада, что я здесь.

Нина ждала в коридоре.

– Все ваши приемы стандартные, ничего особенного, – рассказывала она, пока они шли в заднюю часть здания. – Медосмотр для лагеря, несколько прививок, визит к здоровому ребенку.

– Такое расписание мне по душе.

Нина жестом пригласила ее войти в дверь слева. Это была комната отдыха с несколькими шкафчиками, столом и шестью стульями вокруг него. Окно выходило на заднюю парковку. При виде букета цветов и торта, на котором розовой глазурью было написано «Добро пожаловать!», у Энди потеплело на душе. Все медсестры и персонал собрались вокруг, ожидая ее.

– Добро пожаловать на остров! Мы приглашаем тебя на обед.

Последнее заявление поступило от Лауры, секретарши в приемной.

– С удовольствием, – сказала Энди. – Было бы здорово поехать всей компанией.

Остальные женщины переглянулись. Нина посмотрела на нее.

– В самом деле? Вообще-то мы не были уверены. Из-за того, что ты врач и все такое.

– Но я люблю обедать, – с улыбкой сказала Энди. – И люблю компанию. Я была бы рада возможности познакомиться со всеми вами поближе.

– Тогда встречаемся, – твердо сказала Лаура, потянувшись за ножом. – Завтра. Я знаю, что сегодня у тебя ланч с доктором Х. – Она отрезала первый кусок торта и положила на тарелку. – Боже, люблю, когда день начинается с действительно большой порции сладкого.

Без пяти девять Энди покончила с куском торта и второй чашкой кофе. Она уже была на пути к очень приятному кофеино-сахарному кайфу. Не совсем тот завтрак, который она рекомендовала бы своим пациентам, но это был особый случай.

Нина просунула голову в кабинет.

– Карли и Габби Уильямс в смотровой номер четыре. Это та, которой ты будешь чаще всего пользоваться.

Энди встала и разгладила белый халат.

– Я готова, – сказала она, потянувшись за распечаткой.

Нина пошла с ней.

– Габби десять лет, она здорова. Через несколько недель поедет в летний лагерь, и туда требуется обычный медосмотр.

– Хорошо.

Энди остановилась перед закрытой дверью и глубоко вздохнула.

Нервы трепетали, но она сказала себе, что все будет в порядке. Пациенты были лучшей частью ее работы. Она постучала в дверь и вошла в смотровую.

– Привет, – сказала она. – Я доктор Энди Гордон. – Она улыбнулась матери и дочери. – Приятно познакомиться с вами обеими.

– Карли Уильямс, – представилась мать.

– Я Габби.

Обе блондинки, с темно-голубыми глазами и схожими чертами лиц.

Энди повернулась к девочке.

– Полагаю, ты мама?

Габби усмехнулась.

– Я знаю, что вы так не думаете.

– Не думаю?

Габби покачала головой.

– Нет. Вы врач, а врачи действительно умные.

– Я тоже такое слышала. – Энди села на табурет. – Итак, насколько я понимаю, ты собираешься в лагерь, – она взглянула на Карли. – Это же ваша дочь едет, верно? Не вы.

Карли рассмеялась.

– Я бы с удовольствием провела месяц в лагере, подальше от своей обычной жизни. Но вряд ли прохожу по возрасту.

Габби хихикнула.

Энди наклонилась к ней.

– Итак, расскажи мне об этом лагере.

– Это будет здорово! Он в горах, и там есть лошади, но самое приятное – я помогу написать настоящую пьесу, а потом мы ее поставим и все такое.

– Ух ты! Я тоже хочу поехать.

– Я прямо жду не дождусь, – призналась Габби.

– Понимаю.

Энди вытащила из кармана стетоскоп.

– Ты едешь верхом?

– Я собираюсь научиться.

Она начала осмотр, работая медленно и задавая Габби все новые вопросы, чтобы та продолжала рассказывать о лагере, а не беспокоилась о том, будет ли больно. Когда мать и дочь вышли из кабинета, она сделала несколько пометок на распечатке, а затем вздохнула. Это действительно будет хороший день.

В понедельник вечером Дина загрузила на семейную страницу в соцсети последние две фотографии и просмотрела свежую запись. Это была информация о том, как девочки учатся в школе. Орфография и грамматика заботили ее меньше, чем тон. Она не хотела, чтобы кто-нибудь, прочитав эти слова, догадался, что что-то не так.

Сохранять видимость «Господи, конечно, я в порядке, а почему вы спрашиваете?» было утомительно. И бессонница сказывалась. Она проводила большую часть ночи, лежа без сна на большой кровати, удивляясь, как все так запуталось, и пытаясь понять, почему она оказалась плохой.

Если бы Дина была похожа на свою мать, она бы поняла негодование Мэдисон и ужасные обвинения Колина. Но это было не так. Дом был прибран, она готовила еду, уделяла семье внимание. Никто не находил ее пьяной, лежащей без сознания в собственной блевотине. Она ни разу не замахнулась на детей, не говоря уже о том, чтобы избивать их. Они не вздрагивали, когда она проходила мимо. Но они не обожали ее так, как обожали отца, не подбегали к ней и не радовались, когда она входила в комнату. Хоть убей, она не могла понять почему.

Она пыталась убедить себя, что это лишь потому, что Колина так часто не бывает дома. Он менее доступен, чем она. Но Дина не была уверена, что в состоянии поверить в это. Дело в чем-то другом. Если бы она только знала, в чем именно.

Она потеряла виски, желая, чтобы глаза не горели так сильно.

– Завтра я уезжаю.

Дина подняла глаза и увидела входящего в кабинет Колина. Они почти не разговаривали после его словесного выпада в парке в пятницу, и она определенно не хотела говорить с ним сейчас. Но пришлось.

– Когда вернешься? – спросила она.

– В четверг. – Он закрыл за собой дверь кабинета и направился к письменному столу. – Ты подумала над тем, о чем мы разговаривали на прошлой неделе?

Она встала так, чтобы смотреть прямо на него, а не снизу вверх.

– Мы не разговаривали. Ты сказал, что я все делаю неправильно, а потом ушел. Это не разговор.

Он изучающе посмотрел на нее.

– Ты права. Так давай поговорим сейчас.

– Я посвятила жизнь заботе о тебе и девочках, но в итоге получила только обвинения и страдания.

– Ждешь благодарности?

Конечно. Она была чертовски хорошей матерью и отличной женой. Но никто из них не ценил ее.

– Не хочу быть твоей боксерской грушей.

Он поднял брови.

– Не утрируй.

– А как бы ты это назвал? Ты говоришь мне такие вещи, а потом настраиваешь детей против меня. – Ее горло сжалось, но она не хотела показывать слабость. – Не знаю, чего ты от меня хочешь. Мне больше нечего тебе дать.

– Тогда у нас проблема, потому что я действительно хочу большего. Я хочу быть частью происходящего. – Он засунул руки в карманы джинсов.

– Что это значит?

– Это значит, что тебе стоит немного ослабить поводья. У тебя десятки правил для нас – для меня и девочек. Ты хочешь полностью контролировать, куда мы идем, что носим, что едим.

– Я готовлю обед и ужин. Это не контроль. – Несправедливость уязвила ее. – И веду календарь мероприятий, чтобы знать, кого и куда нужно отвезти. Почему ты искажаешь смысл моих слов и поступков?

Дина хотела сказать ему, что раз он так несчастен, то может уйти. Только она не была готова остаться одна.

– Ты говоришь обо мне как о монстре, но я не монстр.

Его лицо напряглось.

– Сегодня вечером за ужином Одри попросила вторую порцию лазаньи, а ты сказала ей «нет».

– С нее было достаточно.

– Откуда ты знаешь? Позже она рассказала мне, что уронила бутерброд на пол в кафетерии и один из учителей выбросил его. У нее не было денег, поэтому она не могла купить обед. Днем твоя дочь съела только яблоко и к вечеру умирала с голоду.

Дина почувствовала, что краснеет.

– Она должна была сказать.

– Чтобы ты на нее накричала? Ей было легче оставаться голодной.

– Я не кричу.

Она не кричит. Она говорит твердо и рассудительно.

– Ты ее пугаешь. Черт, ты и меня пугаешь.

– Хотела бы я, чтобы это было правдой.

Он покачал головой.

– Дина, я знаю, что ты хочешь как лучше, но с тобой нелегко. Меня воспитывали в убеждении, что матери виднее. Я больше в это не верю. Думаю, проблемы из твоего прошлого...

Она хлопнула руками по столу и уставилась на него.

– Не вмешивай в это мою мать, слышишь?

Он вскинул руки, будто сдаваясь.

– Отлично. Не хочешь говорить об этом? Не будем. Но скажу вот что. Я провожу больше половины жизни в дороге и скучаю по подрастающим детям. Меня вечно нет рядом, но я хочу это изменить. Да, с разъездами я зарабатываю больше денег, но нам придется научиться обходиться меньшим. Я хочу быть здесь. Хочу ходить на игровые встречи и спектакли. Хочу водить девочек на разные мероприятия. Хочу познакомиться с их друзьями.

А она с чем останется? Дина задумалась. Он пытается вытолкнуть ее из ее собственной жизни.

– Второе, чего я хочу, – это понять, что ты думаешь обо мне, о нас. – Его рот слегка скривился. – Сомневаюсь, что ты все еще любишь меня, и даже не уверен, что нравлюсь тебе. Подозреваю, тебе гораздо больше нравится наш образ жизни, чем наш брак. – Колин пожал плечами. – Хотел бы я ошибаться, но, судя по всему, прав. – Он посмотрел в сторону, затем снова перевел взгляд на ее лицо. – Я когда-нибудь был нужен тебе или же всегда был только средством для достижения цели?

Оскорбления жгли ее до костей, а страх сжимал ледяной хваткой.

– Как ты смеешь? – сказала она низким и злым голосом.

– Верно. Как я смею? Это же всего лишь мой брак.

Ей захотелось чем-нибудь в него швырнуть. Ударить его и причинить такую же боль, какую он причинял ей. Ненависть горела ярко, но недостаточно для того, чтобы заставить ее забыть, чем обернется развод.

– Даже не думай возвращаться в нашу постель, – сказала она ему.

Колин кивнул, а затем внезапно улыбнулся, и выглядело это весьма некрасиво.

– Конечно. Никакого секса. Это вряд ли что-то изменит.

С этими словами он повернулся и пошел прочь. Дина несколько секунд смотрела ему вслед, прежде чем рухнуть обратно в кресло и закрыть лицо потрескавшимися и саднящими руками. Ждала слез, но их не было. Она была слишком опустошена, слишком разбита. Все стало неправильным и таким непонятным, и она даже не знала, с чего начать, чтобы попытаться исправить это.

Глава 6

Ресторан отеля «Ежевичный остров» выходил окнами на воду. Здесь обедали бизнесмены, туристы и «леди-за-ланчем»⁸. Энди изучала меню, пытаясь выбрать между супом с сэндвичем дня и фирменным пирогом с заварным кремом.

Нина посмотрела на нее.

– Ты обязательно должна попробовать салат с цыпленком на лепешках фокачча. Это такая вкуснятина, практически религиозное откровение!

– Она права, – подтвердила Лаура, поправляя очки для чтения. – Клянусь, я могла бы съесть по огромной бадье этой вкуснятины каждый день. Конечно, тогда я бы растолстела и доктор Х. прочитал бы мне лекцию о высоком давлении и холестерине. – Она отложила меню. – Мне реально нравится работать на него, но он просто одержим здоровьем.

Энди изо всех сил постаралась сдержать смех.

– Хм, вероятно, это профессиональная деформация.

– Ты права. Много лет назад мне предложили работу у дантиста, но я знала, что не вынесу этого ужасного жужжания. Ученые научились видеть субатомные частицы, но до сих пор не изобрели, как бесшумно сверлить зубы! Деньги явно уходят не на те исследования.

Все рассмеялись. Энди откинулась на спинку стула и прислушалась к разговорам вокруг. Она пережила свой первый рабочий день и успешно начала второй. Вышла пообедать с офисными работниками и медсестрами. Утром она оставила дома полдюжины здоровенных мужчин, которые громили ее жилище изнутри. Летучие мыши больше не беспокоили, у нее была горячая вода, и в целом жизнь казалась довольно сносной.

Дон, одна из медсестер, взяла свой чай со льдом.

– Не могу поверить, что ты переехала сюда по собственной воле, – сказала она. – Я прожила здесь всю жизнь. Почти не выезжала из округа. Раньше я мечтала переехать в Сиэтл.

– А потом вышла замуж, завела детей и застряла тут, – весело подхватила Мисти. Она была офис-менеджером, бухгалтером и следила за порядком.

Лаура отхлебнула диетической содовой.

– Дон просто жалуется. Не слушай ее болтовню. Ей нравится здесь, на острове. Как и нам всем.

– Так вы все родились здесь? – спросила Энди.

– Я переехала сюда, когда мне было пять лет, – сказала Лаура. – Что практически одно и то же. – Она наклонилась к Энди. – Ты же знаешь, что все хорошие мужчины женаты, верно?

– Здесь есть несколько одиноких парней, – заметила Нина.

– Не так уж много, – возразила Лаура. – Что же касается туристов, если вы видите мужчину без женщины, не стоит воодушевляться. Скорее всего, наш пол его просто не интересуется.

Мисти ткнула Лауру в плечо.

– Веди себя прилично. Не пугай Энди в первую же неделю.

– Да, пожалуйста, не надо, – со смешком попросила Энди. – Подождите и напугайте меня на следующей неделе. Как бы то ни было, меня устраивает отсутствие мужчин. Я подозревала об этом, когда переезжала сюда. У меня был тяжелый разрыв, и я решила отказаться от мужчин. По крайней мере, на ближайшие десять лет.

Хотя смотреть на Уэйда было приятным развлечением. Она задавалась вопросом, к какой категории относится ее красивый подрядчик. К сожалению, Энди не могла придумать, как это выяснить невзначай.

⁸ «Леди-за-ланчем» (Ladies-who-lunch) – так называют женщин, у которых достаточно времени и денег, чтобы устраивать или посещать светские обеды в дорогих заведениях в течение рабочей недели. Часто это жены состоятельных мужчин.

– Ты такая храбрая, – сказала ей Нина. – Начать все сначала на новом месте. Ты купила этот прекрасный дом и теперь собираешься открыть там собственную врачебную практику.

Энди улыбнулась, понимая, что сказанное звучит намного лучше, чем реальность. А реальность такова, что она просто сбежала и оказалась здесь.

Мисти вздохнула.

– Я согласна с Ниной. Никогда не смогла бы сделать то, что сделала ты. Доктор Х. просил передать тебе, что мы поможем всем, чем сможем, в том числе подбором персонала и организацией процесса.

На мгновение Энди потеряла дар речи.

– Это очень любезно с его стороны. Он хороший человек.

– Одержим своим сыном, – со вздохом сказала Лаура.

– Мой сын, доктор, – в один голос произнесли они, а затем разразились смехом.

Подошедший официант принял заказы. Энди решила попробовать знаменитый сэндвич с куриным салатом.

– Ты уже начала ремонт? – спросила Нина, когда официант ушел. – Должно быть, работы предстоит много.

– Так и есть. К счастью, мне не нужно ничего делать, – Энди пожала плечами. – Я просто прихожу вечером и молюсь, чтобы был прогресс. Они буквально выпотрошили каждый этаж.

– Ты собираешься открыть там практику? – уточнила Нина.

– Да, на первом этаже. План уже готов. Уэйд показывал его мне в субботу.

– О-о-о, Уэйд. – Лаура притворилась, что обмахивается веером. – Он такой горячий.

– И слишком молодой для тебя, – напомнила ей Мисти.

– Дорогая, я просто смотрю, хотя, если бы он предложил попробовать, я бы не отказалась. У Энди глаза округлились.

– Выходит, он популярен?

– Он практически бог, – признала Дон. – Мы с ним вместе ходили в школу. Я была влюблена в него с двенадцати лет. А он никогда не смотрел на меня.

– Он много потерял, – сказала ей Нина.

– Хотела бы я, чтобы это было правдой. Он отличный парень.

– Обожаю его задницу, – сказала Лаура и взглянула на Энди. – Ты видела?

– Я, э-э, на самом деле не заметила.

– Тебе стоило бы приглядеться. Только подумай – он будет в твоём доме в конце каждого дня. Ты счастливица.

Энди не знала, что ответить, и это оказалось к лучшему, потому что на нее внезапно снизошло вдохновение.

– А что думает его жена по поводу того, что все здешние женщины пялятся на ее мужа? Ее собеседницы переглянулись. Мисти вскинула брови.

– Он не женат.

– Его жена умерла, – сказала Нина. – Рак. Это было очень грустно.

– У него есть дочь, – добавила Дон. – Ей двенадцать. Кэрри. Настоящая милашка. Она иногда тусуется вместе с моей дочерью, хотя ее лучшая подруга – Мэдисон Филлипс. Семья Филлипс живет с тобой по соседству.

Женщины на мгновение молча уставились друг на друга.

– Я скажу, – объявила Лаура. – Ты уже познакомилась с Диной Филлипс? Ей принадлежит дом рядом с твоим. Она настоящая стерва, целиком и полностью.

– Я познакомилась с Бостон. – Энди быстро прикинула семейные отношения. – Должно быть, она невестка Уэйда и жена Зика. Я права?

– Точно, – подтвердила Нина. – И я не согласна, что Дина – стерва. Просто она... упертая.

– Ты имеешь в виду – лицемерная ханжа, – сказала Лаура. – Бедные дети.

Энди знала лишь то, что пару дней назад Дина стояла на крыльце и плакала.

Дон покачала головой.

– Дина – одна из тех матерей, которые сами пекут хлеб, покупают только органические продукты и не разрешают детям смотреть телевизор, если только там не идет образовательная программа. В этом нет ничего плохого, – быстро добавила она. – Просто...

– Она всегда рассказывает людям, как долго этот чертов дом принадлежал ее семье. У нее не может быть обычного сада. Нет, сад Дины идеально соответствует идеальному стилю ее идеального дома, – перебила Лаура.

– Кажется, ты злишься, – заметила Нина.

– Семья, в которой я выросла, не была шибко богатой, – сказала Лаура. – И я не собираюсь говорить обратное. Дина выросла такой же бедной, как и я, но, слушая сейчас ее болтовню, можно подумать, что она лично приплыла на «Мэйфлауэре»⁹. Однажды я с ней работала, мы организовывали благотворительный винный тур. Она мне не понравилась.

– В самом деле? – сказала Мисти. – Кто бы мог подумать.

– Я с ней не встречалась, – сказала Энди, внезапно почувствовав, что и не хочет этого делать. Ей было трудно связать услышанное о Дине с той печальной женщиной, одиноко стоящей перед домом.

– Она будет с тобой приветлива, – заверила Нина. – У нее пять дочерей, так что она, должно быть, в восторге оттого, что по соседству поселился педиатр.

– Постоянные клиенты, – пробормотала Энди и откашлялась. – Я познакомилась с Бостон на прошлой неделе, и мы общались в эти выходные. Она показалась мне милой.

– Она замечательная, – согласилась Нина. – Художница, – добавила Лаура. – У меня есть две ее картины. Очень красивые. По большей части она зарабатывает ручной росписью тканей для дизайнеров по всей стране. Но ее истинное призвание – портретная живопись. Она в этом хороша! Лет десять назад мой муж попросил ее нарисовать наших двоих детей. Тогда Бостон едва окончила художественную школу. Эта картина до сих пор висит у нас в гостиной, она великолепна.

Мисти кивнула.

– Бостон и Зик вместе с юности. Настоящая любовь. Приятно посмотреть. – Ее взгляд потемнел. – Так жаль, что с ними случилось несчастье.

Все замолчали. Лаура посмотрела на Энди.

– У них около года назад родился ребенок. Он умер, когда ему было шесть месяцев. Порок сердца. Малыш умер у Бостон на руках. Я не могла поверить в это, когда услышала. Они не заслужили такого – потерять своего маленького мальчика.

– Я не знала, – пробормотала Энди. Ей не доводилось терять собственного ребенка, но это выпало на долю ее родителей. Их боль до сих пор оставалась с ней.

– Обычно мы столько не сплетничаем, – сказала Нина в наступившей тишине.

– Еще как сплетничаем, – возразила Лаура. – И даже больше. Мы ведем себя прилично, потому что Энди не очень хорошо нас знает, а мы хотим ей понравиться. Тебе стоит посмотреть на нас после пары стаканов вина. У тебя волосы виться перестанут¹⁰.

Энди протянула руку и потянула за один из своих локонов.

– Я бы не возражала против прямых волос. В детстве я прочитала книгу о девочке, которая заболела скарлатиной. Ей пришлось побриться налысо, чтобы волосы снова стали вьющи-

⁹ «Мэйфлауэр» («Майский цветок») – морское судно, на котором группа английских переселенцев-пуритан, в англоязычной литературе называемых «отцами-пилигримами», в 1620 году пересекла Атлантический океан, прибыла в Северную Америку и основала одну из первых колоний.

¹⁰ «У тебя волосы виться перестанут» – американская идиома, наиболее близкая по значению к русскому выражению «у тебя волосы дыбом встанут».

мися, когда отрастут. Я часто просила маму отвезти меня в больницу, чтобы найти там кого-нибудь со скарлатиной и заразиться. Надеялась, что мои волосы станут прямыми.

Лаура медленно покачала головой.

– Не могу решить, то ли это самая милая история, которую я когда-либо слышала, то ли самая грустная. В любом случае приятно знать, что ты такая же ненормальная, как и все мы.

– А почему я должна быть нормальной? – с усмешкой поинтересовалась Энди.

– Отличная точка зрения, дорогая. Просто отличная.

Энди вернулась домой ровно в пять пятнадцать пополудни. Она все еще приспосабливалась к островной жизни, но должна была признать: ей нравится местный график работы. Оба дня она была дома раньше половины шестого. Да, время от времени будут возникать неотложные случаи, задерживающие ее, но темп жизни здесь, несомненно, медленнее, чем в Сиэтле.

Она припарковалась на подъездной дорожке рядом с выдавшим виды пикапом. Она помнила его по встрече в субботу утром и быстро глянула в зеркало заднего вида, чтобы проверить, как она выглядит. Исправлять макияж не требовалось, разве что она внезапно решит больше краситься.

Энди пригладила волосы и убедилась, что тушь не размазалась под глазами, подхватила сумочку и вышла из машины. По крайней мере, она приняла душ и была прилично одета. В последний раз, когда Уэйд видел ее, она была измученной, неряшливой и спасалась от пикировавших на нее летучих мышей.

Она поднялась по лестнице на крыльцо и вошла в дом. Подумала, что нужно придумать небрежное, но очаровательное приветствие. Что-то забавное, чтобы Уэйд...

Энди остановилась там, где раньше был вход, и вытаращила глаза. Она была почти уверена, что у нее отвисла челюсть, но не могла справиться со своей реакцией. Потрясение оказалось слишком велико.

У нее больше не было дома. Остались внешние стены и лестница, ведущая на второй этаж, – и больше ничего.

Все внутренние стены исчезли. Вместо них было только несколько опор, вероятно чтобы второй и третий этажи не рухнули. Энди заметила несколько окон и задалась вопросом, стоит ли быть за это благодарной. Она ясно видела, где раньше была кухня. Напольное покрытие тоже исчезло.

– Не паникуй. – Она услышала голос Уэйда прежде, чем увидела его. Он вышел из-за лестницы и ухмыльнулся. – Клянусь, все будет хорошо.

– Пожалуй, я скорее грохнусь в обморок, чем запаникую, – призналась Энди. – Не могу поверить, как много ты сделал за день.

– Правда, здорово? Остальные наши работы пришлось отложить по той или иной причине. Мы делали демонтаж всей командой.

– Везучая я.

Энди была слишком потрясена, чтобы обратить внимание на что-то кроме его длинных ног и широких плеч. Мужчина неплохо выглядит в джинсах, рассеянно подумала она, решив оценить его непринужденную привлекательность позже – когда ее сердце снова начнет биться.

– Я в шоке, – призналась она.

Еще утром у нее был дом. Теперь от него остались только внешние стены. Куда он делся? Уэйд положил руку ей на плечо.

– Думай об этом с позитивной точки зрения. Чем скорее все исчезнет, тем скорее мы сможем снова все собрать. Разве у тебя нет медицинских терминов, чтобы описать этот процесс?

– Только если мы станем говорить о моем доме как об инфекции, которую нужно победить.

Он покачал головой.

– Нет, я так не думаю.

– Да, от такой формулировки мне лучше не станет. – Энди бросила сумочку на нижнюю ступеньку лестницы. – Что еще предстоит разрушить?

– Только часть деревянного пола, который нужно будет поднять. Мы отремонтируем его позже.

Энди знала, что они планировали сохранить пол и повторно использовать его на чердаке.

– Я рада, что меня здесь не было в разгар демонтажа.

– Это было громко.

Его голос звучал весело. Наверное, если дом, который ты разрушаешь, не твой, это легко, подумала она.

– Идем, – сказал Уэйд, направляясь в заднюю часть дома. – Позволь, я поделюсь мыслями насчет комнаты отдыха для сотрудников. Если тебя все еще интересует мини-кухня.

Она последовала за ним, ее взгляд опустился на его пресловутую задницу. Лаура права, подумала Энди, задержав на ней пристальный взгляд. У Уэйда она чертовски привлекательная. Должно быть, благодаря физическому труду, которым он занимается каждый день.

– Мы думали насчет шкафов здесь, рядом с кухонной стойкой. Раковина одна, но глубокая, и холодильник.

Он указал, куда будет поставлен каждый предмет.

– На этой стене разместим шкафчики, также будет много места для хранения под окном. Это позволит сделать вторую длинную стойку – пригодится, если у тебя будут корпоративы со шведским столом.

– Откуда ты знаешь о корпоративах? – улыбнулась она. – В строительном бизнесе они часто бывают?

– Конечно! Мы любим тематические вечеринки. Ну, знаешь, тропический отдых или костюмированная вечеринка на Хеллоуин. – Он подмигнул ей. – Мой бригадир любит наряжаться под Мэрилин Монро.

– Правда?

Уэйд усмехнулся.

– Мы не раз делали реконструкцию для бизнеса. Это всегда хорошая идея, чтобы сотрудники были довольны, и мини-кухни обычно идут на ура.

– Мне нравится.

– Отлично. – Секунду он изучал ее. – Как тебе доктор Харрингтон? Сводит тебя с ума, рассказывая о своем сыне?

– Все в курсе?

– Более чем. Ты уже должна была посмотреть фотографии с его выпускного в колледже, сделанные несколько лет назад.

– Уже видела, – подтвердила она. – Вообще, все очень приветливы. У меня много пациентов. Похоже, здесь есть спрос на педиатра.

– К счастью для тебя. Ты всегда хотела быть врачом?

Энди подумала о своей семье и о том, что у нее в общем-то не было выбора.

– Можно и так сказать.

– Должно быть, твои родители тобой гордятся.

Они более чем разочарованы, подумала она. Но это трудно объяснить людям, которые не знают, как она росла. Те, кто не был знаком с ее семьей, предполагали, что родные считали ее умной и успешной. Энди не собиралась признаваться красавчику Уэйду, что по сравнению с тем, чего достигли ее родители, брат и сестра, она была чуть ли не бездельницей.

– Мама хотела, чтобы я стала хирургом, – сказала она, зная, что это не совсем правда. Ее мать хотела, чтобы у нее была еще более высокая специализация.

– Кое-кому стоит поговорить с ней о ее стандартах, – заметил Уэйд. – У меня есть дочь. Ей двенадцать. Сейчас у нее каждую неделю появляется новая идея насчет будущей карьеры, но она ни разу не упомянула, что хочет стать врачом. Я был бы очень рад, если бы она выбрала эту профессию.

– У нее еще есть время, чтобы принять решение.

– Верно. Она и так вырастет слишком быстро. – Взгляд его темных глаз остановился на ее лице. – Каково это – быть самым умным человеком в комнате?

– Вряд ли я такая.

– Сейчас – да.

Энди рассмеялась.

– Ты забываешь, что спас меня от дикой летучей мыши. Ум не помог мне справиться с ней. Или с ним. Я не успела рассмотреть.

– Я тоже, – признался Уэйд.

– Как бы то ни было, ты – мой герой.

– Мне нравится быть чьим-то героем. Не забудь об этом завтра утром, когда спустишься вниз и увидишь этот хаос. Это уберезет тебя от паники.

Энди была в этом не так уверена, но собиралась приложить все усилия.

Он посмотрел на часы.

– Мне нужно домой, но я не хотел уходить, пока мы не поговорим.

– Боялся, что я с криком убегу в ночь?

– Просто доверься мне, Энди. Все наладится. Через несколько недель ты не узнаешь это место.

– Хорошо, доверюсь, – сказала она, воодушевленная его словами.

Как ни странно, она действительно доверяла Уэйду. Что делало ее идиоткой. Она доверяла Мэтту, и тот бросил ее у алтаря. Не то чтобы Уэйд походил на ее бывшего жениха. К тому же они не встречались. Он был ее подрядчиком, и...

– Энди?

Она моргнула.

– Прости. Задумалась.

– Я так и понял. Это в некотором роде очаровательно. Только не делай так за рулем.

– За рулем я очень внимательна.

Он посмотрел на нее, словно собирался сказать что-то еще. «Мы должны сходить куда-нибудь» – было бы неплохо. «Я хочу целовать тебя до бесчувствия, а затем заняться с тобой диким сексом» было бы еще лучше, смутно подумала Энди.

Нет, напомнила она себе. Ты переехала сюда, чтобы избежать всевозможных катастроф, которые случаются между парнями и девушками, помнишь? Никаких мужчин. А значит – никакого секса. Или, по крайней мере, никакого секса с кем-то другим. Звучит угнетающе.

– Увидимся завтра.

Завтра? А, точно.

– Конечно. Завтра. Спокойной ночи.

– И тебе.

Уэйд улыбнулся и прошел мимо нее. Энди поддалась искушению и повернулась, чтобы посмотреть, как он уходит. Да, Лаура была права, сказала она себе. У этого мужчины очень заманчивая задница. На самом деле все в нем очень привлекательно.

К сожалению, он так и не проявил к ней ни малейшего интереса. Даже не флиртовал. Неужели все дело в ней? Мэтт всегда пытался переделать ее: заставлял одеваться более сексуально и вести себя более раскованно. Может, стоило к нему прислушаться?

Может, у нее есть какая-то аура, которую могут различить только мужчины, и они сразу видят, что она скучная? Это бы не удивило Энди. В старших классах она не очень хорошо

разбиралась в отношениях. Из всех сил старалась поддерживать средний балл в колледже, что не оставляло много свободного времени. Затем она встретила Мэтта – за неделю до того, как поступила в мединститут. У нее не было большого опыта свиданий, на который можно было опереться.

Это неважно, сказала она себе, направляясь к лестнице. Теперь она свободна от мужчин. Одинокая, самодостаточная женщина, отправляющаяся в приключение без летучих мышей. Такова нынешняя Энди.

И все же она бы не отказала Уэйдю в поцелуе. Если он когда-нибудь попросит.

Глава 7

Энди переделалась и спустилась вниз, чтобы более внимательно осмотреть свой разгромленный дом. До захода солнца оставалось еще несколько часов, и в воздухе висела духота. Она открыла окна, которые не были заколочены досками, вышла на улицу и села на крыльцо.

Со своего нового любимого места для размышлений она не могла видеть разрушения в доме. Зато могла представить, каким он станет после ремонта. Все выкрашено, двор восстановлен... У обеих ее соседок красивые дворы. Она не собиралась соревноваться, но ей предстояло все как следует обустроить, чтобы не смущать крошечный район.

Энди почти собралась с силами, чтобы подумать о красках и материалах для ремонта, как из-за угла дома вышел очень крупный кот и направился к ней.

– Привет, – сказала она, когда он приблизился. – Ты кто такой?

Кот поднялся по лестнице и сел рядом с Энди, выражение его – или ее – морды было выжидательным. На коте был ошейник. Она потянулась за биркой.

– Пикуль, – прочитала она единственное слово. – Не совсем четкое определение пола. Привет, Пикуль.

Она позволила коту обнюхать свои пальцы, затем погладила животное по морде. Пикуль на несколько секунд потянулся к ее прикосновениям, а затем повалился на крыльцо, словно готовясь к долгому сеансу ласки.

– А ты совсем не боишься людей, а?

– Это наш кот.

Энди подняла глаза и увидела стоящую у лестницы девочку лет девяти или десяти с длинными светлыми волосами и в очках, обрамлявших большие голубые глаза.

– Пикуль? – Энди улыбнулась. – Забавное имя.

– Мэдисон назвала его, когда была еще совсем маленькой. Мама говорит, что я тогда уже родилась, но я такого не помню. Я – Люси.

– Привет, Люси. Я Энди Гордон. Приятно познакомиться.

Люси неуверенно улыбнулась и подошла ближе. Энди подвинулась, чтобы освободить ей место на лестнице.

Энди вспомнила, что ей говорили о матери Люси за обедом. Казалось, никто особенно не любил Дину, что заставляло Энди чувствовать себя неловко. Она не хотела строить предположения о ком-то, кого никогда не встречала лично. Может быть, Дина была колким человеком с добрым сердцем.

– У меня грандиозный ремонт в доме, – сказала Энди и сморщила нос. – Надеюсь, это не слишком громко.

– Да нет вроде. Моя мама ничего не сказала. – Девчушка взглянула на нее снизу вверх. – Я рада, что ты купила этот дом. Он стоял такой одинокий.

– Я тоже так думаю. А другие дома такие красивые.

– Трудно быть посередине.

– Ты средняя в семье?

Люси кивнула, не сводя глаз с кота.

– У меня четыре сестры. Я вторая по старшинству. Двое младших – близняшки.

– Ух ты! Так много девочек! С близнецами, должно быть, много забот.

– Так говорит мама. – Люси снова подняла глаза. – Мама хотела мальчика, но вместо этого родились Сидни и Саванна. Думаю, папа на эту тему не переживает. Он говорит, что у него самые лучшие девочки.

Энди улыбнулась.

– Уверена, что так и есть. Кто бы не хотел иметь такую семью?

Люси вздохнула.

– Моя лучшая подруга уехала во время весенних каникул. Ее отец нашел работу в Техасе. Она хочет, чтобы я приехала в гости этим летом. А мама думает, что я слишком мала, чтобы ехать.

– Мне очень жаль, – отозвалась Энди. – Тяжело разлучаться с подругой.

Особенно в середине учебного года, когда весь класс уже разбился на дружеские группки. Она хотела сказать, что осенью Люси станет легче, но, должно быть, для девочки ее возраста сентябрь – это примерно в следующем столетии.

Люси кивнула и поправила очки.

– Мама много плачет, – тихо сказала она. – В своей комнате, так что мы не должны знать.

Энди поморщилась.

– Должно быть, это нелегко.

– Угу. Мэдисон говорит, что папа должен бросить ее и забрать нас с собой, но я этого не хочу. Я хочу остаться здесь. Чтобы все было как есть. – Она заколебалась. – Может быть, немного лучше.

Энди захотелось притянуть девчужку к себе и обнять ее. Люси явно проживала непростой период. Но они только что познакомились, и она не была уверена, что девочка примет такое проявление поддержки.

– Тяжело, когда мамы плачут, – вместо этого сказала Энди. – Когда моя мама плакала, я всегда чувствовала беспокойство – внутри, будто что-то не так с животом.

Люси уставилась на нее.

– Да, будто сейчас вырвет...

– Иногда родители могут все уладить.

– Надеюсь. – Люси посмотрела на свой дом. – Скоро ужин, мне нельзя опаздывать. – Она сгребла в охапку Пикуля и встала.

– Спасибо, что зашла, – сказала Энди. – Приходи в любое время.

Люси расцвела улыбкой, от которой ее лицо преобразилось и засияло.

– Ладно. Пока.

– Пока.

Энди посмотрела ей вслед. Когда девочка скрылась за углом, она взглянула на красивый дом. У каждой семьи есть секреты, подумала она. Некоторые страшнее других. Она надеялась, что Дина и ее муж, что бы ни происходило между ними, решат свои проблемы до того, как ситуация еще больше ударит по их девочкам.

Бостон наблюдала за тем, как Люси бежит домой, перекинув Пикуля через плечо. Этот кот заслуживает особой награды в кошачьем раю, подумала она, пересекая заросшую сорняками лужайку и направляясь к дому Энди. Пикуль не только позволяет девочкам таскать себя как тряпичную куклу, но даже разрешает им наряжать себя в нелепые наряды. Даже шляпы терпит.

– Привет! – крикнула она, подходя.

Энди обернулась и увидела ее.

– И тебе привет.

Бостон подняла корзину, которую несла.

– Я слышала, сегодня в твоём доме орудовала вся команда рабочих и практически разрушила его. Я подумала, что тебя это могло потрясти.

Энди встала и спустилась по лестнице.

– Так и есть. Честно говоря, я немного боюсь возвращаться внутрь.

Бостон протянула ей корзину.

– Привычная еда в удобном формате: макароны с сыром, зеленый салат и бутылка хорошего шардоне. – Она усмехнулась. – На твоём месте я бы начала с вина.

Энди посмотрела на корзинку в руках Бостон.

– Ты не должна была... Спасибо! Это так мило.

– Не за что. Я рада, что у меня есть соседка.

Формально они с Диной были соседями, но никогда близко не общались и не дружили. Теперь, задумавшись об этом, Бостон спрашивала себя почему. Ведь они столько лет живут на одной улице.

Она предположила, что частично проблема заключалась в Дине, которая всеми возможными способами ясно давала понять, что не одобряет Бостон. Со своей стороны, Бостон могла сознаться, что считает Дину чопорной.

– Я пережила ремонт, – продолжила Бостон. – Это невесело. Просто постарайся помнить, что в конце концов оно того стоит.

– Стараюсь. – Энди указала на крыльцо. – С мебелью у меня сейчас не очень. Хочешь присесть на секундочку или тебе нужно возвращаться?

– Присоединюсь к тебе ненадолго. Зик скоро будет дома, а ему всегда нравится, когда я готовлю макароны с сыром.

Она устроилась на ступеньке.

Энди последовала ее примеру.

– Я размышляла насчет двора, – сказала она. – Садовод из меня не очень, но, думаю, скоро придется научиться.

– Сейчас лучший сезон для посадок, – заметила Бостон. – В городе есть питомник. Могу дать тебе контакты женщины, которая там работает. Она занимается ландшафтным дизайном.

– Ты и Дина установили довольно высокие стандарты, – с усмешкой сказала Энди. – Не хочу подводить соседей.

– Не подведешь.

Бостон рассматривала Энди. Свет и тени играли на ее лице, подчеркивая черты. «Она хорошенькая», – подумала Бостон, которую как художника больше интересовали формы и очертания, чем общепринятые представления о красоте. Волосы Энди – беспорядочно выющиеся кудри – было бы трудно запечатлеть на холсте. Но ярко-зеленые глаза привлекали.

– Ты, случайно, не знаешь декоратора по разумной цене? – спросила Энди. – Мне понадобится помощь, чтобы привести в порядок офис. Хочется ярких цветов и уютного пространства. Поход к врачу может пугать детей. Я хочу, чтобы они чувствовали себя комфортно, когда приходят ко мне.

Бостон припомнила планировку дома Энди и чертежи реконструкции, которые показывал ей Зик.

– Роспись стен. Фреска, – машинально сказала она, представив сцены из джунглей. – Яркие цвета, перетекающие из комнаты в комнату. Синий и зеленый с оттенками красного и желтого. Джунгли. Птицы. Большие попугаи. Может быть, рыбы в речке и большие кошки с горящими глазами. – Она сделала паузу. – Прости. Я увлеклась.

– Не извиняйся, мне нравится идея. Я отлично разбираюсь в медицинских вопросах, сама заказываю оборудование. Но совершенно не представляю, как оформить зону ожидания и приемную. Кроме того, там будет длинный коридор.

– Можно нарисовать разных животных на каждой двери, – сказала Бостон, чувствуя прилив творческого энтузиазма. – Выбери зеленые тона для напольного покрытия, чтобы поддерживать тему джунглей, если решишь оформлять в этом стиле.

Грузовик Зика свернул на соседнюю подъездную дорожку. Энди взглянула на него, потом снова посмотрела на Бостон.

– Я бы с удовольствием поговорила об этом еще немного, в другой раз. Не возражаешь?

– Конечно. Это был бы забавный проект. Могу подбросить тебе пару идей, может быть, нарисую несколько набросков.

– Дашь мне свой прайс-лист на роспись стен? – спросила Энди. – Я видела твои работы у тебя дома, и они прекрасны.

Бостон заколебалась. За последние месяцы она выполнила всего несколько текстильных проектов. Ее дни проходили по-другому. Наброски, а затем роспись стен будет непростой задачей. Зик сказал бы, что ей полезно сменить колею и позволить себе увлечься проектом.

– Мне надо подумать, – пробормотала Бостон, поднимаясь на ноги. – У меня сейчас много дел.

Абсолютная ложь, но она давала Бостон пространство для маневра, если ее захватят мысли о фреске. Она знала, что если согласится на эту работу, то ей придется довести дело до конца. Это лишнее напряжение, а она все еще чувствовала себя уязвимой. Вот что сделала с ней потеря: она стала хрупкой, как стекло.

– В любом случае я рада поговорить о цветовой гамме твоего офиса, – сказала Бостон.

– Это было бы здорово. – Энди встала. – Спасибо. И спасибо за ужин.

– Наслаждайся.

Бостон спустилась по лестнице и направилась домой.

Зик ждал у своего грузовика. Увидев ее, он улыбнулся.

– Хорошо ладишь с новой соседкой?

– Я принесла ей кое-что на ужин.

Его карие глаза заблестели от предвкушения.

– Макароны с сыром?

– Да. Они в духовке.

Он заключил ее в объятия, прижал к себе.

– Вот почему я до сих пор женат на тебе. Из-за макарон.

Бостон позволила себе окунуться в знакомое сочетание тепла и силы. В этот момент все было хорошо и она могла дышать. Она почти забыла, что в любой момент может сорваться.

Тогда они бы поругались. В последнее время они часто ссорились. Гнев был способом Зика достучаться до нее. Она не принимала бой, и он уходил. После этого Бостон рисовала, и в конце концов Зик возвращался. Их жизнь стала неровной – будто едешь на фургоне с квадратным колесом. Бостон знала об этом порочном круге, но не представляла, как разорвать его, не разрушив то единственное, что держало их вместе.

Дина отсканировала штрих-код на маленькой кисточке и ввела количество в компьютер. Новая партия товара в эту среду была больше, чем обычно, с несколькими специальными заказами и целой выставкой рождественской пряжи.

«Май на дворе, – подумала она, занявшись второй кистью, – неужели людям действительно нужно сейчас думать о Рождестве?»

Она знала ответ. Рукодельницы начинают работу заранее, и тот, кто хочет связать свитер, шарф или что-то еще к празднику, трудится над этим в течение всего лета. Обычно ей нравилось, как ассортимент «Уютных ремесел» предвещает грядущие сезоны. Но, по правде говоря, сегодня ей все действовало на нервы. Дина ненавидела Колина. Вот в чем настоящая проблема. Большую часть последних двух ночей она провела без сна, мысленно обзывая его. Она также составила подробные списки всего, что когда-либо делала для него. Всего, что он никогда не замечал и не ценил.

Например, ее вес. Она весила ровно столько, сколько в день их свадьбы. Четыре беременности, пять младенцев – и ни грамма разницы. В отличие от Бостон, которая за время беременности набрала тридцать фунтов¹¹ и так и не удосужилась их согнать.

Дина была в курсе текущих событий. Она разбиралась в нефтяном кризисе, могла умно высказаться по злободневным вопросам и посещала заседания местного школьного совета. Она была начитанна. Прекрасно заботилась о доме и семье. Пекла хлеб, покупала экологически чистые продукты и сама готовила почти каждый чертов кусочек пищи, который они клали в рот.

И какую благодарность она получала за все это? Осуждение. Отчуждение. Угрозы.

Она закончила вводить информацию о новой поставке в перечень товаров и разложила кисти. Рассортировала пряжу и быстро занялась праздничной витриной.

«Уютные ремесла» находились на западной стороне острова, рядом с магазином одежды «Островной шик». Клиентами были туристы и местные жители. Дина преподавала скрапбукинг, основы лоскутного шитья и вязания, координировала действия других преподавателей. Именно она два года назад убедила Бостон провести вводный урок живописи, статья о котором впоследствии вышла в национальном журнале о путешествиях. Но имело ли это какое-нибудь значение для Колина?

Дина посмотрела на витрину в передней части магазина, и на мгновение ей захотелось швырнуть стулом в стекло. Не то чтобы это могло помочь в ее нынешней ситуации, но она должна была хоть что-то сделать. Болела, казалось, каждая клеточка ее тела. Она была расстроена, напугана и рассержена.

Развод. Сама мысль об этом заставляла ее съеживаться. Она не хотела развода. Не хотела позора, борьбы. Не хотела ни жалости, ни злорадства. Помимо воли Дина вспомнила мать, стоящую посреди ужасной маленькой кухни их отвратительного грязного дома.

«Выходя замуж, убедись, что мужчина останется при тебе, – сказала ей мать. – Нет ничего хуже, чем остаться без мужчины».

Дина прикинула, что ей было всего десять или одиннадцать, когда она услышала этот бесценный совет. В то время она считала мужчин чем-то хорошим. Мать не пила так много, когда у нее был мужчина. Избиения были не такими частыми и жестокими. В доме было чище, а в холодильнике была еда.

Теперь она подумала, что к этому совету стоит прислушаться, но по другим причинам. Она не хотела менять свой образ жизни или больше работать. Не хотела никому объяснять, что, как и почему. Будь Колин проклят за то, что все перевернул с ног на голову!

Она подошла ко входной двери, отперла ее и перевернула табличку на «Открыто». В одиннадцать у нее урок скрапбукинга – можно пока сосредоточиться на нем. Но завтра вернется Колин, и Дина с ужасом ждала его приезда. Она не знала, что ему говорить и как себя вести. Дина попыталась забыть о гнетущей реальности, в которую превратилась ее жизнь, и подошла к куче рождественской пряжи, оставленной на одном из столов для рукоделия. Как только она выставит ее на продажу, покупатели сразу найдутся. Успех в работе сейчас был для нее особенно важен.

Через несколько минут входная дверь отворилась, и вошла Бостон.

– Привет! – крикнула она, увидев Дину. Ее взгляд упал на красно-зеленую пряжу. – О нет. Уже? Еще даже лето не наступило.

– Я тоже об этом подумала, но вязальные проекты требуют времени.

– Знаю, но я пока не готова к таким подвигам.

Бостон была одета в длинную цветастую тунику поверх облегающих джинсов. Бесформенная рубашка ничуть не скрывала валик жира на талии. Ее лицо было округлым, почти

¹¹ 13,61 килограмма.

одутловатым. Когда она проходила через луч солнца, в волосах вспыхнули яркие красные и пурпурные пряди.

Что, черт возьми, воображает о себе эта женщина? Дина задумалась. Она больше не подросток – ей следует перестать пытаться им выглядеть. Но Бостон всегда отличалась эксцентричностью. Это присуще художникам. Люди находят это очаровательным.

– У меня сбился весь распорядок, – с глубоким вздохом призналась Бостон, – но я не позволю этому мне докучать. – Она улыбнулась. – Мне нужны акриловые краски. Один из тех наборов, которые ты продаешь детям.

Акрил? Для Бостон? Большая часть ее художественных принадлежностей – это специальные заказы из Европы. Дина постоянно размещала интернет-заявки в Италии и Франции, пытаясь разобраться в бланках на иностранных языках.

– Для чего?

Бостон повернулась и направилась к стеллажам с красками.

– Собираюсь расписать стены. – Она покачала головой. – Вернее, попытаюсь это сделать. В приемной Энди. Начну с нескольких набросков на бумаге, а потом протестирую некоторые цвета. Не знаю. Это большой проект, но, может быть, именно это мне и нужно.

Дина последовала за ней.

– Не пойму, о чем ты говоришь. Кто такая Энди?

Бостон остановилась перед маленькими баночками с яркими красками.

– Наша новая соседка.

Дина выругалась себе под нос.

– Я еще не была у нее.

Она смутно помнила фургоны, подъезжающие к ужасному дому по соседству, и звуки стройки, но не осознавала, что у нее появилась новая соседка.

Бостон потянулась за банкой с красной краской и посмотрела ее на просвет.

– Тебе предстоит со многим разобраться. Сейчас столько всего происходит.

Дина почувствовала, что щеки покрыл румянец.

– В каком смысле?

Бостон широко раскрыла глаза и растерянно посмотрела на нее.

– Я говорю о девочках. Все пятеро учатся в школе. Приближаются летние каникулы. Разве это не означает, что придется делать проекты в последнюю минуту? Колин так много путешествует, что тебе приходится справляться с большей частью дел самостоятельно. – Бостон поколебалась. – Или есть что-то еще?

– Нет. Конечно, нет.

Дина мысленно дала себе пощечину. Надо держать себя в руках. Плохо, если Колин проболтается об их личных делах. Хуже, если она сама себя выдаст.

– Я устала. Извини.

– Ничего. – Бостон выбрала полдюжины контейнеров с яркими красками, затем подхватила пару недорогих кистей. – Я возьму это.

Они пошли к кассе.

– Я навещу Энди на выходных, – сказала Дина. – Какая она из себя?

– Милая. Хорошенькая. Она мне нравится. Она педиатр. Прямо по соседству в случае крайней необходимости.

– Отлично.

Дина вбила в кассовый аппарат коды красок.

Деловая женщина, мрачно подумала она. Критически отнесется к ее выбору. Может, даже скажет, что, заведя так много детей, она, Дина, осознанно решила зависеть от мужчины, так что ей некого винить в сложившейся ситуации, кроме себя самой. Не совсем тот разговор, которого она с нетерпением ждала.

Дина положила товары в пакет и протянула его Бостон.

– Удачи с новым проектом.

– Спасибо. Я от него в восторге. Мне нужно что-то новое. Отвлекающий маневр. Это идеальное время года для перемен.

С этими словами она помахала рукой и ушла.

Дина смотрела ей вслед. Что за глупости. Перемены – это хорошо? Последней большой переменой, с которой столкнулась Бостон, была смерть ее единственного ребенка. Кто сказал, что перемены – это хорошо?

Глава 8

В субботу утром Энди уехала пораньше. Строительная бригада собиралась работать большую часть дня, и ей совершенно не хотелось застрять на чердаке, прислушиваясь к ровному ритму перфораторов и звукам других электроинструментов. Всех мировых запасов кофе не хватит, чтобы превратить этот шум во что-то сносное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.